

МЕЖДУ МОРАЛЬЮ И ПРАВОМ
(теневое и антитеневое
сознание россиян
в количественном измерении)

До сих пор у нас речь шла об особенностях современной теневой практики, в которую вовлечены отдельные люди и группы населения, и об обстоятельствах, которые такому вовлечению способствуют. О том, как много людей включены в коррупционно-теневые связи или предрасположены к ним, пока не говорилось. Теперь нам предстоит обратить внимание и на эту сторону дела.

Как уже отмечалось во введении к книге, проект “Теневая Россия” предусматривал проведение – по интересующей нас тематике – массового опроса населения России. Замышляя его, мы, разумеется, отдавали себе ясный отчет в сложности и новизне задачи: до последнего времени в ходе массовых опросов социологи не решались обращаться к коррупционно-теневым сюжетам, не без оснований полагая, что объективную информацию о своем теневом поведении и даже теневых намерениях многие люди вряд ли решатся предать гласности. Ниже читатель увидит, как мы пытались – с помощью прямых и косвенных вопросов – эту задачу решить. Упреждая изложение полученных данных, считаем нужным отметить, что не рассматриваем их как полную и точную картину реальности, но – лишь как первое приближение к ней.

Главное, что нас интересовало с ходе исследования, – это насколько в современном российском обществе распространены различные типы сознания: юридически-правовой, *неправовой*

(коррупционно-теневой) и доправовой (морально-репрессивный). При этом мы намеревались выяснить не только то, в каких пропорциях эти типы сознания представлены в обществе, но и то, как они соотносятся с причастностью или непричастностью людей к самостоятельному бизнесу, с установкой на занятие предпринимательством¹. Такой ракурс кажется нам актуальным и интересным уже потому, что от менталитета бизнесменов (и их резерва – бизнесменов потенциальных) в значительной степени зависит не только современное состояние общества, но и вектор его развития, а также общественная готовность к соблюдению законов. Уместно напомнить, что речь идет о стране, успевшей за долгие десятилетия советской власти забыть, что такое легальная частная инициатива в экономике, но – вместе с тем – имеющей богатый опыт теневых экономических отношений в условиях, когда такая инициатива запрещена.

Вот почему мы рассчитывали, что интересующие нас типы сознания должны соотноситься с ориентацией на занятие бизнесом либо с отсутствием таковой. Полученные цифровые данные это подтвердили, как, впрочем, подтвердили это и углубленные интервью, которые мы будем использовать и в данном разделе, комментируя количественные выкладки. Такое использование тем более оправданно, что интервьюируемым предлагалось ответить на многие из тех вопросов, которые задавались респондентам в ходе массового всероссийского опроса.

Задумывая исследование, мы предполагали существование глубоких и принципиальных *мировоззренческих* различий между людьми, которые уже имеют или хотели бы иметь свой бизнес, и теми, кто никакого собственного дела не имеет и иметь не хочет. Очевидно, что мировоззрение человека – особенно

¹ Опрос проведен Центром совместно с Институтом социологического анализа на базе ВЦИОМ по репрезентативной общероссийской выборке в 83 городских населенных пунктах и сельских районах страны в августе 1999 года. Были опрошены 1600 человек.

человека взрослого, зрелого – часто не поспевает и даже не стремится поспевать за политическими и социальными изменениями. Именно поэтому мы посчитали, что при движении от эпохи, когда легальный частный бизнес был запрещен и его фактически не было, к эпохе, когда он вполне легализован и для многих становится привлекательным, условная граница между непредпринимательским и предпринимательским мировоззрением неизбежно должна проходить также и *между поколениями*. Полученные нами данные это тоже подтвердили. Более того, различия оказались даже глубже, чем мы предполагали, и одними только возрастными особенностями они не исчерпываются.

Кто есть кто

Немногие – всего 4% опрошенных – заявили, что у них есть собственный бизнес. В дальнейшем мы будем называть их *предпринимателями*. Гораздо больше (21%) в стране тех, кто испытывает желание заняться бизнесом, но по тем или иным причинам осуществить его пока не может, – они будут фигурировать у нас под условным именем *ПРЕДпредпринимателей*. Подавляющее же большинство не испытывает такого желания – назовем этих людей, составляющих 67% населения, *НЕпредпринимателями*. Респонденты, которые затрудняются ответить на данный вопрос – их всего 8%, – нас интересовать не будут.

Предметом нашего сравнительного анализа станут умонастроения трех указанных групп, при этом – для полноты картины – их отношение к коррупции и различным видам теневой деятельности будет сопоставляться с соответствующими показателями по населению в целом. Но предварить свой социологический рассказ мы хотим все же краткой информацией о некоторых социально-демографических и других особенностях этих групп, чтобы читатель с самого начала имел представление о той условной границе между большинством и меньшинством российского общества, о которой говорилось выше.

В предпринимательской среде явно доминируют мужчины (их численность превышает здесь две трети). Несколько больше их, чем женщин, и среди предпринимателей потенциальных. Что касается НЕпредпринимателей, то у них соотношение иное: 59% из них – женщины.

В составе непредпринимательского большинства свыше 42% составляют люди старше 55 лет, между тем как в рядах предпринимателей их всего 8%, а среди ПРЕДпредпринимателей и того меньше (5%). Если в группах меньшинства преобладают люди, не перешагнувшие сорокалетний рубеж, то есть вошедшие в сознательную жизнь в годы перестройки или после нее (среди предпринимателей таких две трети, а в составе ПРЕДпредпринимателей – три четверти), то непредпринимательское большинство в массе своей сформировалось при советской власти (доля тех, кто моложе 40 лет, не дотягивает здесь даже до трети).

Среди НЕпредпринимателей 44% не имеют среднего образования, между тем как в группах меньшинства процент таких людей в два раза ниже. Доля же людей с высшим и незаконченным высшим образованием в составе тех, кто занят бизнесом или хотел бы им заняться (соответственно 33 и 22%), значительно больше, чем у тех, кто такого желания не испытывает (12%).

В группах меньшинства заметно представлены жители крупных городских центров (44% у предпринимателей и 49% у ПРЕДпредпринимателей), между тем как среди НЕпредпринимателей таких только 37%. В свою очередь, в составе последних более высокий процент не только жителей небольших городов, но и селян.

Наконец, интересующие нас группы существенно различаются уровнем материального достатка. Среди тех, кого мы назвали НЕпредпринимателями, 44% заявили, что их денежных доходов не хватает даже на питание. В составе потенциальных предпринимателей таких 27%, а среди предпринимателей реальных – 14%. Последняя цифра выглядит, впрочем, странной:

ниций бизнесмен, с трудом зарабатывающий себе на хлеб, – это что-то из области фантастики. Но мы должны отдавать себе ясный отчет в том, что речь идет не о крупном, среднем или даже малом организованном бизнесе (руководители фирм – в силу своей относительной немногочисленности – в поле массовых социологических опросов обычно не попадают), но скорее об индивидуальном “низовом” предпринимательстве – мелкой торговле, челночном бизнесе, репетиторстве, бытовых услугах, прибыльной эксплуатации личных транспортных средств и т. п. Понятно, что доходность такого бизнеса может быть и крайне низкой (не исключено, впрочем, что “нищие” бизнесмены просто опасаются открыто говорить о своем реальном уровне жизни из-за его несоответствия их официальным заработкам).

Однако на фоне других опрошенных (включая и ПРЕДпредпринимателей) наши бизнесмены все же заметно выделяются уровнем достатка. Среди предпринимателей довольно высок процент тех, кому хватает денег и на питание, и на одежду, и на покупку вещей длительного пользования: таких здесь больше трети, между тем как в рядах ПРЕДпредпринимателей – почти в десять раз меньше (всего 4%). Естественно, что эти различия проявляются и в образе жизни: 40% “низовых” бизнесменов в последние годы могли позволить себе отдых на курортах России, Украины или дальнего зарубежья, в то время как у потенциальных предпринимателей этот показатель составляет лишь 13%, а у НЕпредпринимателей он и того ниже – 6%.

Знание этих различий создает хорошие стартовые возможности для того, чтобы выявить и понять отношение каждой из интересующих нас групп к коррупции и теневой экономике.

Чем чаще встречи с коррупцией, тем меньшим злом она кажется

Отношение к любому явлению во многом зависит от того, сталкивается ли человек с ним лично или только слышан

о нем от других. И если даже чужая точка зрения безоговорочно принимается, то это еще не значит, что мнения и оценки, сформировавшиеся помимо собственного опыта, правомерно интерпретировать так же, как мнения и оценки, на таком опыте основанные. Поэтому мы и начинаем с информации о том, насколько часто наши респонденты сталкиваются с коррупцией, взяточничеством и другими незаконными действиями должностных лиц и сталкиваются ли вообще. Эти и все последующие цифровые данные будут представлены в процентах от общего числа опрошенных (“население в целом”) и от численности каждой группы (“предпринимателей”, “ПРЕДпредпринимателей” и “НЕпредпринимателей”).

Таблица 1

Приходилось ли Вам лично в последние годы сталкиваться с коррупцией, взяточничеством, незаконными поборами и другими незаконными корыстными действиями со стороны должностных лиц?

Варианты ответов	Население в целом	Предприниматели	ПРЕДпредприниматели	НЕпредприниматели
Нет, не приходилось	58	22	52	64¹
Пришлось лишь раз	7	9	8	6
Приходилось, но редко	20	35	24	18
Приходится довольно часто (несколько раз в год)	7	9	11	5
Приходится очень часто (несколько раз в месяц)	1	12	1	1
Приходится постоянно (ежедневно)	2	1	3	1
Затрудняюсь ответить	5	13	1	5

¹ Здесь и далее выделен максимальный процент по каждому варианту ответа.

Как видим, большинство россиян получают информацию о коррупции из вторых и третьих рук, лично их она не затронула, считать себя ее непосредственными жертвами они не могут. Это относится и к населению в целом, и к потенциальным предпринимателям, и особенно к тем, кто предпринимательством не занимается и заниматься не собирается. И, напротив, люди, имеющие собственный бизнес, в массе своей указывают, что знают о коррупции не понаслышке.

Но влияет ли факт личного столкновения с коррупцией на оценку общественной значимости борьбы с ней? И если влияет, то как? Картина, которую мы получили, выглядит, скажем сразу, довольно неожиданной и в чем-то даже парадоксальной.

Таблица 2

НАСКОЛЬКО ВАЖНА СЕГОДНЯ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ПРОБЛЕМА БОРЬБЫ С ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКОЙ, КОРРУПЦИЕЙ И ДРУГИМИ ВИДАМИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ?

Варианты ответов	Население в целом	Предприниматели	ПРЕДприниматели	НЕПредприниматели
Это самая важная проблема	43	29	39	45
Одна из важнейших	43	42	47	42
Это второстепенная проблема	4	17	5	3
Вообще не вижу в этом проблемы	3	5	5	2
Затрудняюсь ответить	8	7	5	8

Странно, не правда ли? Предприниматели, чаще других сталкивающиеся с коррупцией, оценивают значимость борьбы с ней ниже всех, а люди, которых мы назвали НЕпредпринимателями и которые сами от коррупции почти не страдают, ставят эту проблему выше, чем кто бы то ни было!

Первое, что приходит на ум, когда пытаешься разгадать этот парадокс, – известный факт союза теневого бизнеса и государственной бюрократии в современной России. Отсюда вроде бы должно следовать, что предприниматель и коррумпированный чиновник нужны друг другу: ведь первый, оказавшись в теневой среде, не может обходиться без оплачиваемого покровительства со стороны второго, а потому и к разговорам о борьбе с коррупцией и теневой экономикой не может не относиться с известной долей настороженности. Но если и так, то не очень понятно, почему все-таки большинство бизнесменов придают этой проблеме довольно большое значение, а не отбрасывают ее как несущественную. В этой связи нам, видимо, важно будет выяснить, действительно ли предприниматели во что бы то ни стало хотят остаться в теневой среде или, наоборот, желали бы, будь такая возможность, из нее выбраться.

Забегая вперед, отметим, что бизнесмены, хоть они и погружены в эту среду, отнюдь не являются по своим установкам самыми последовательными и убежденными теневиками, нередко уступая лидерство в данном отношении представителям группы ПРЕДпредпринимателей. Поэтому отложим на время разговор о выявленном нами парадоксе и подробно рассмотрим отношение респондентов к различным видам современной теневой деятельности. По ходу мы столкнемся и с другими парадоксами постсоветского массового сознания, зафиксируем их и лишь затем попробуем объяснить.

Советская наследственность

Составляя вопросы для нашей анкеты, мы исходили из того, что система всеобщей коррупции и всеохватных теневых отношений, действовавшая при коммунистах, не только трансформировалась в новые формы, соответствующие изменившимся экономическим и политическим условиям, но отчасти сохранилась и в прежних своих проявлениях.

Помня о том, что навыки теневого поведения настолько глубоко укоренились в сознании советского человека, что сама теневая практика воспринималась как нечто обычное, нормальное и чуть ли не законное, мы решили спрашивать людей прямо: вовлечены ли они сегодня (и если да, то в какой степени) в такую практику в тех или иных ее проявлениях. В частности, респондентам предлагалось ответить, оплачивают ли они – деньгами или “подарками” – услуги врачей и медперсонала в государственных больницах и поликлиниках, то есть там, где услуги эти должны предоставляться бесплатно. Мы также пытались выяснить, насколько широко распространены неофициально-теневые способы оплаты бытовых и ритуальных услуг, формально являющихся платными (ремонт квартиры, автомобиля, бытовой техники, организация похорон и т. п.). Нельзя сказать, что все без исключения опрошенные решились ответить на эти вопросы. Но уклонившиеся от ответа составляют все же очень незначительное меньшинство.

Таблица 3

ОКАЗАВШИЕСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ БОЛЬНИЦЕ (ПОЛИКЛИНИКЕ), ПЛАТИЛИ ЛИ ВЫ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ВРАЧАМ И МЕДПЕРСОНАЛУ ЗА ТО, ЧТО ДОЛЖНЫ БЫЛИ ПОЛУЧИТЬ ОТ НИХ БЕСПЛАТНО, ДЕЛАЛИ ЛИ ИМ СООТВЕТСТВУЮЩИЕ “ПОДАРКИ” И Т. П.?

Варианты ответов	Население в целом	Предприниматели	ПРЕДприниматели	НЕпредприниматели
Каждый раз	8	14	9	6
В большей части случаев	15	16	20	12
Иногда	27	32	28	27
Никогда	42	30	33	45
Отказ от ответа	3	6	4	3
Затрудняюсь ответить	6	3	7	6

Таблица 4

КАКИМ ОБРАЗОМ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ВЫ ОБЫЧНО РАСПЛАЧИВАЕТЕСЬ ЗА БЫТОВЫЕ УСЛУГИ (РЕМОНТ АВТОМОБИЛЯ, ТЕЛЕВИЗОРА, СТИРАЛЬНОЙ МАШИНЫ, РЕМОНТ КВАРТИРЫ, СТРОИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ И Т. Д.)?

Варианты ответов	Население в целом	Предприниматели	ПРЕДприниматели	НЕпредприниматели
По безналичному расчету через банк (в том числе и посредством кредитной карточки)	3	5	4	2
Наличными по выписанному счету в кассу предприятия, исполнявшего работу	23	19	24	22
Наличными без квитанции и счета с непосредственным исполнителем работ	37	53	45	34
Другим образом	9	8	4	10
В последние годы не делал ремонта, строительных работ и т. п.	30	18	24	33
Отказ от ответа	2	6	2	2
Затрудняюсь ответить	6	2	6	5

Таблица 5

Приходилось ли Вам в последние годы участвовать в организации похорон, и если да, то платили ли Вы наличными без каких бы то ни было квитанций непосредственным исполнителям?

Варианты ответов	Население в целом	Предприниматели	ПРЕДприниматели	НЕпредприниматели
Всегда	12	14	15	11
Иногда	18	4	14	19
Никогда	14	14	12	15
В последние годы не участвовал в организации похорон	46	60	49	45
Отказ от ответа	4	2	3	4
Затрудняюсь ответить	7	6	8	6

Итак, примерно каждый четвертый россиянин всегда или почти всегда платит врачам и медперсоналу, которым формально платить не должен, почти каждому третьему приходилось доплачивать работникам похоронных служб, а тех, кто неофициально рассчитывается за бытовые услуги, в стране еще больше. Эти цифры впечатляют, ибо далеко не всем нашим согражданам, судя по ответам респондентов, приходилось в последние годы организовывать похороны или что-то строить либо ремонтировать. Если же считать от числа тех, кому приходилось, то вовлеченных в теневые отношения и связи оказывается явное большинство.

О том, почему так происходит, подробно говорилось в предыдущей главе. Здесь же нас интересуют прежде всего количественные параметры явления, а потому достаточно еще раз повторить, что теневые способы оплаты жизненно важных услуг точно так же пронизывают постсоветскую повседневность, как они пронизывали и повседневность советскую.

Парадокс, однако, в том, что советские теневые традиции наследуются в первую очередь теми группами российского общества, представители которых формировались уже в посткоммунистическую эпоху или вошли в нее в относительно молодом возрасте. Наши предприниматели и ПРЕДпредприниматели заметно чаще других вступают в неформально-теневые контакты с врачами и медперсоналом государственных поликлиник, среди них более высокий процент людей, предпочитающих неофициальные формы оплаты бытовых услуг официальным. Впрочем, парадокс этот, если вдуматься, кажущийся. Просто люди, выделяющиеся на общем фоне не только активностью жизненных установок, но и уровнем достатка, отличаются и более высокими запросами относительно качества жизни, равно как и возможностями их удовлетворения.

В подтверждение – еще один факт. Наши предприниматели, чьи доходы заметно выше, чем у других, не только чаще оплачивают услуги врачей в государственных поликлиниках. Каждый четвертый из них при возникновении проблем со здоровьем всегда или в большинстве случаев обращается за помощью в поликлиники частные, между тем как среди ПРЕДпредпринимателей так поступает лишь один из семи, а среди НЕпредпринимателей – один из восьми. Однако и “низовые” бизнесмены, как видим, в массе своей не обладают все же достаточной платежеспособностью, чтобы пользоваться услугами таких поликлиник: по свидетельствам некоторых наших собеседников, это, как правило, обходится дороже, чем неофициальные отношения с врачами государственных медицинских учреждений.

Представленный выше анализ взятых нами интервью, в которых говорится о теневых отношениях интересующего нас типа, дал основание предположить, что готовность быть повседневно вовлеченным в такие отношения вряд ли стоит рассматривать как предрасположенность к осознанным правонарушениям. Скорее всего, не только наши собеседники, но и большинство россиян такого рода нелегальные расчеты воспринимают как

юридически нейтральные, как устоявшуюся жизненную норму, а не как отклоняющееся поведение. У нас, правда, нет прямых количественных подтверждений этого предположения – соответствующих вопросов в анкете не было. Но некоторыми косвенными доказательствами мы все же располагаем. По оценкам респондентов, органы здравоохранения не относятся к наиболее коррумпированным государственным структурам: предприниматели поставили их на предпоследнее одиннадцатое место, ПРЕДпредприниматели – на восьмое, НЕпредприниматели – на шестое. Ни в одной из групп доля причисляющих медицинских работников к разряду самых коррумпированных не превышает семи процентов¹. И это при том, что с врачами непосредственно сталкивается почти каждый, а, скажем, с налоговиками и таможенниками, которые во всех группах воспринимаются более коррумпированными, чем врачи, – сравнительно немногие.

Тот факт, что число людей, ведущих теневые расчеты с работниками здравоохранения, многократно превышает число тех, кто относит их к злостным коррупционерам, как раз и означает, что поведение медперсонала оценивается не с позиции писаного права, а с точки зрения права обычного, которое опирается на общественный здравый смысл. У нас нет оснований считать, что другие разновидности повседневно-обыденных теневых отношений воспринимаются как-то иначе. Моральное осуждение каких-то проявлений унаследованной от прошлого практики может, конечно, присутствовать, и оно, судя по приведенным выше выдержкам из интервью, не такая уж редкость. Но вся эта практика, повторим, видится россиянам как нечто такое, что юридическим оценкам (а тем более санкциям) давно уже не подлежит.

¹ Данные о том, как население оценивает степень коррумпированности различных организаций и учреждений, см. в приложении к основному тексту главы (табл. 16, с. 292).

Мы не осмелимся утверждать, что во всех возможных случаях так думает большинство населения, – тут необходимы дополнительные исследования. Пока это всего лишь гипотеза, базирующаяся как на высказываниях наших собеседников и собственном жизненном опыте, так и на полученной количественной информации. В дальнейшем мы хотели бы ее проверить и надеемся, что такая возможность нам предоставится.

Заметим, что до сих пор речь шла исключительно об отношении россиян к теневым расходам. Теперь нам предстоит разобраться с установками на теневые доходы – прямые или косвенные. Естественно, что при этом нам придется выйти за рамки советского опыта и прямой советской наследственности.

Теневые соблазны

Чтобы получить максимально полную картину, мы в данном случае прибегали не столько к прямым, сколько к косвенным методам получения информации. Не питая иллюзий, что любой человек, вовлеченный в незаконную деятельность, простодушно признается в этом интервьюеру, мы спрашивали людей не об их реальном поведении, а о поведении возможном, гипотетическом. Мы интересовались, насколько в современном российском обществе распространена *установка* на участие или косвенное соучастие в теневой практике. Готовы ли наши сограждане – если это сулит им выгоду – поддерживать коррумпированных чиновников, теневиков-хозяйственников или лично участвовать в теневом бизнесе?

Учитывая, что россияне традиционно все свои беды и надежды связывают с властью и олицетворяющими ее людьми, а также то, что сама власть в постсоветской России формируется все-таки не без участия избирателей, мы хотели, в частности, понять, какая доля населения предрасположена к тому, чтобы на определенных условиях сознательно пойти на криминализацию власти, тем самым вступив в некий *косвенный*

сговор с коррупционерами и теневиками. Разрабатывая программу исследования, мы помнили о широко известных случаях, когда избиратели приводили к власти заведомо криминальных кандидатов (Нижний Новгород, Ленинск-Кузнецкий и т. д.). Опыт таких выборов мы приняли как своеобразный тест и решили повторить его в рамках всероссийского опроса.

Вот ответы, которые мы получили.

Таблица 6

ПРЕДПОЛОЖИМ, ВЫ УВЕРЕНЫ В ТОМ, ЧТО КАНДИДАТ НА ДОЛЖНОСТЬ ГЛАВЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (МЭРА, ГЛАВЫ АДМИНИСТРАЦИИ И Т. П.) УЧАСТВУЕТ В ТЕНЕВОМ БИЗНЕСЕ ИЛИ СВЯЗАН С КРИМИНАЛЬНЫМИ КРУГАМИ. МОГЛИ БЫ ВЫ ПРОГОЛОСОВАТЬ ЗА НЕГО НА ВЫБОРАХ?

Варианты ответов	Население в целом	Предприниматели	ПРЕДприниматели	НЕпредприниматели
Мог бы проголосовать в любом случае	6	5	7	6
Мог бы проголосовать, если был бы уверен, что жизнь при нем станет лучше	32	38	42	28
Не стал бы за него голосовать ни при каких обстоятельствах	47	45	37	50
Затрудняюсь ответить	15	12	15	15

Как видим, у 38% россиян иммунитет против соучастия в криминализации власти отсутствует. Правда, подавляющее большинство этих людей готово проголосовать за сомнительного кандидата только на определенных условиях (“если жизнь

при нем станет лучше”), а без всяких условий (“в любом случае”) – сравнительно немногие. Но и этих последних мы бы со счетов не сбрасывали. Можно предположить, что готовность голосовать за криминального кандидата “в любом случае” означает неверие в то, что власть в современной России может быть законопослушной и некоррупцированной. Люди с такими взглядами выбирают не между коррупционером и честным человеком, но между *разными коррупционерами*. Наши интервью это предположение подтверждают. “Если мы сойдемся на том, что любой представитель власти «не чист» по определению, – говорит, например, В. (студент и – одновременно – один из руководящих работников промышленного предприятия), – то вопрос о кандидате, связанном с криминалом, теряет свою актуальность”. Иными словами, коррумпированы все, и потому выбирать приходится между коррупционерами компетентными, способными выполнять возлагаемые на них функции руководства, и теми, чьи профессиональные возможности выглядят проблематичными. И такие настроения присущи не одному только В., в чем читатель может убедиться, ознакомившись с приведенными в конце книги интервью. Да, таких людей действительно не очень много, но они все же есть, и их численность измеряется не сотнями и тысячами, а миллионами. Интересно, что во всех рассматриваемых группах эти люди представлены примерно в одинаковых пропорциях, между тем как в реакциях на другие варианты ответов расхождения между группами довольно существенны, что позволяет говорить о вполне определенных тенденциях.

Во-первых, теньевые установки в группах меньшинства проявляются заметно отчетливее, чем среди большинства. Во-вторых, нетрудно заметить, что наибольшую терпимость к криминализации власти демонстрируют респонденты, которых мы условно назвали ПРЕДпредпринимателями. Только среди них совокупный процент готовых – на определенных условиях или без всяких условий – проголосовать за криминального канди-

дата превышает процент тех, кто такой готовности не обнаруживает. Эти данные кажутся нам заслуживающими серьезного внимания. Они говорят о том, что многие люди, желающие заняться бизнесом, но не имевшие до сих пор возможности свое желание реализовать, не просто отдают себе отчет в том, в какой среде им придется существовать в случае, если их намерение осуществится. Они, похоже, больше других склонны считать такую среду нормальной, вполне соответствующей сложившимся в стране условиям и обстоятельствам, а потому и власть они чаще других хотели бы видеть этой среде соответствующей.

К ПРЕДпринимателям относится уже знакомый нам В. К этой же группе принадлежит В.Ю., работающий заместителем директора на частном кирпичном заводе; несмотря на солидный возраст (52 года), он тоже мечтает о собственном бизнесе. “Если бы я знал, – говорит он, – что мой кандидат на выборах связан с каким-то криминалом, – я все равно проголосовал бы за него, если бы был уверен, что это поможет нашему предприятию и людям, которые там работают... Производство у нас налажено, но необходимо организовать систему сбыта готовой продукции. Если руководитель администрации сможет организовать хозяйственную жизнь в городе таким образом, чтобы мы могли заключать какие-то долгосрочные договора на поставку того же кирпича, а это в его компетенции, то я проголосую за него”. Тут – установка на своего рода *криминально-теневой патернализм*, сформировавшаяся в результате ясного представления об особенностях существующей в современной России системы хозяйства.

Ниже мы увидим, что подобные установки сочетаются у ПРЕДпринимателей с повышенной психологической готовностью и к личному участию в теневой деятельности. Пока же отметим, что среди препятствий, мешающих заняться предпринимательством, только 5% представителей данной группы назвали неготовность вступать в незаконные отношения с чиновниками; среди других помех (отсутствие первоначального

капитала, высокие налоги, угрозы со стороны криминального мира, недостаточная уверенность в своих силах) эта – на последнем месте.

Если же мы присмотримся к умонастроениям людей, свой бизнес уже имеющих, то увидим, что в их среде все-таки больше тех, кто не испытывает желания соучаствовать в криминализации власти. В этом они, как ни странно, ближе к тем, кто о предпринимательстве не помышляет. Но близость эта вряд ли означает совпадение мотивов, по которым претензии криминала на власть отвергаются даже тогда, когда он предлагает взаимовыгодную сделку: вы нам – свои голоса, а мы вам – улучшение вашей жизни.

Как мы помним, люди, занятые малым индивидуальным бизнесом, несопоставимо чаще других сталкиваются с коррумпированными чиновниками. И они, очевидно, на собственном опыте успели не только познать преимущества теневых отношений, в которые неизбежно вовлекаются, но и почувствовать тяготы зависимости и бесправия, на которые обрекает их нынешний криминально-теневой патернализм больших и малых начальников. Рискнем поэтому предположить, что неприятие многими нашими предпринимателями криминализации власти опирается прежде всего на прагматические *правовые* соображения. “Где я с этой коррупцией не сталкиваюсь! – восклицает хозяйка ресторана Т.Е. – Это же повсюду!” Поэтому она не хочет выбирать между криминальными и полукриминальными кандидатами: “В таком случае я проголосую против всех. Все равно они гребут под себя”. А предпринимательница Е. на выборы уже вообще не ходит: “Не хочу голосовать за людей, связанных с криминальным капиталом. Я категорически не проголосовала бы за такого кандидата, потому что, конечно, хотела бы, чтобы у нас в стране было больше законности. Иначе решение чиновников никто не контролирует, и получается полный чиновничий произвол”. Если наше предположе-

ние относительно предпринимателей, основанное на цифровых показателях и высказываниях интервьюируемых, не беспочвенно, то это значит, что в отечественных предпринимательских “низах” вызревает запрос на законный цивилизованный порядок и соответствующую ему власть, которая придет на смену власти, действующей не по общеобязательным правилам, а по “понятиям”, ею же самой принятым.

У тех же, кто бизнесом не занимается и заниматься не хочет (а они, напомним, составляют большинство населения), мотивы неприятия криминальной власти, видимо, не столько правовые, сколько *моральные*. Такое предположение допустимо уже потому, что люди эти в массе своей сформировались при коммунистической системе, а коммунизм – это и есть не что иное, как верховенство морали над правом. И, добавим, над экономическими интересами. Известно, однако, что моральный протест против тех или иных явлений (особенно экономических) очень часто имеет в своей основе все те же экономические интересы – особенно если последние не удовлетворяются и шансы на их удовлетворение кажутся сомнительными. Когда же возникает надежда (пусть даже слабая) без особого риска решить экономические проблемы в обход закона, моральные тормоза нередко начинают отказывать, и ниже мы сможем в этом неоднократно убедиться, анализируя как цифровой материал, так и содержание взятых нами интервью.

Вот характерное проявление этического максимализма в оценке интересующих нас явлений и соответствующей такому мироощущению мотивации поведения. “Я сам никогда не стал бы голосовать за человека, связанного с «нелегальщиной», – категорически заявляет пенсионер В.А., продолжающий работать по краткосрочным контрактам. – Ни при каких условиях. Если он связан с криминалом, то это уже не человек”. Мы хотели бы обратить внимание на этого респондента, потому что на

его примере мы сможем в дальнейшем наглядно показать, как подобный максимализм начинает ослабевать и притупляться, когда речь заходит о реальной выгоде, которую люди, подобные В.А., могли бы сами извлечь из нынешних коррупционно-теневых связей и отношений.

Наши НЕпредприниматели, чей активный возраст чаще всего позади и чьи возможности включения в теневые связи ограничены, меньше других могут уповать на коррумпированную власть. Будучи даже уверены в том, что при избранном криминальном руководителе “жизнь улучшится”, они, очевидно, сомневаются в том, что позитивные изменения коснутся именно *их* жизни. Они меньше других видят собственный интерес в криминализации власти, а поэтому, быть может, и меньше других склонны к соучастию в такой криминализации. Этим они отличаются и от ПРЕДпредпринимателей, выделяющихся своими упованиями на криминально-теневой патернализм, и от предпринимателей, успевших испытать на себе не только выгоды, но и тяготы такой “опеки”.

А теперь попробуем проверить наши предположения, рассмотрим отношение опрошенных не к косвенному соучастию, а к непосредственному личному участию в теневой деятельности. При этом отмеченные выше тенденции, если они не лишены оснований, как-то должны себя обнаружить.

Не без некоторых колебаний мы решились напрямую, “в лоб” спросить людей о том, допускают ли они возможность личного соучастия в корпоративном бизнесе теневиков. Здесь мы еще больше сомневались в искренности ответов. Но, как выяснилось, сомнения и в этом случае оказались безосновательными. Отметим, что варианты ответов предусматривали лишь такое соучастие в теневой деятельности, которое не сопряжено с личным риском: нас не интересовали способность и желание рисковать. Это был тест на законопослушание как ценность и норму жизни.

Таблица 7

ГДЕ БЫ ВЫ ПРЕДПОЧИ РАБОТАТЬ?

Варианты ответов	Население в целом	Предприниматели	ПРЕДпредприниматели	НЕпредприниматели
Там, где начальство никак не связано с теневым бизнесом	41	43	34	44
Там, где начальство может быть и связано с теневым бизнесом, но так, чтобы меня это не касалось	11	11	13	11
Мне все равно, связано ли начальство с теневым бизнесом, даже если это будет касаться меня самого; лишь бы не грозила тюрьма и хорошо платили	28	31	41	24
Затрудняюсь ответить	20	15	12	22

Картина мало отличается от той, которую мы наблюдали раньше. Примерно те же количественные пропорции, те же тенденции. Почти 40% наших соотечественников не считают нужным противодействовать теневым соблазнам, исходят ли эти соблазны от начальников, действующих независимо от подчиненных, или от начальников, искушающих также и тех, кем руководят. Мы снова видим, что наибольшую податливость демонстрирует при этом группа ПРЕДпредпринимателей, а установки реальных предпринимателей близки к взглядам тех, кто бизнесом не занимается и желания такого не испытывает.

Приведенные данные позволяют в первом приближении судить о том, насколько в российском обществе и его отдельных группах укоренилась *ценность законопослушания* и как она соотносится с *экономическими интересами*. Подчеркнем еще раз: вопрос касался такого участия в теневой деятельности, которое не связано с риском и страхом перед наказанием. Поэтому мы вправе рассматривать полученные данные именно как информацию о ценностях, не замутненную оглядками респондентов на реальные жизненные обстоятельства, при которых вовлеченность в теневые связи не может быть гарантировано ненаказуемой.

В результате вроде бы выясняется, что ценность законопослушания в наибольшей степени свойственна тому большинству, которое находится в стороне от частного бизнеса – и в реальной жизни, и в своих намерениях. Но так ли это на самом деле? Ведь на практике, повторим, приверженность нравственным или правовым ценностям вполне проявляется только тогда, когда в противоречие с ними вступает насущный экономический интерес человека и – в то же время – появляется реальная возможность безнаказанно преступить закон. Это обязательно надо иметь в виду, рассматривая “антитеневые” настроения вышедшего из советской эпохи большинства россиян, многие из которых в нынешней криминально-теневой реальности не нашли себе места и оказались выброшенными на обочину экономической жизни.

Речь идет не о том, разумеется, чтобы безоговорочно оправдывать нынешние порядки. Просто не следует в очередной раз впадать в иллюзию, будто нравственные чувства большинства могут стать достаточной основой для эффективной политики, направленной против коррупции и теневой экономики. Тем более что и в самом этом большинстве не наблюдается единства: свыше трети его представителей относятся к теневой деятельности (начальников или своей собственной под руководством начальников) вполне терпимо, а почти каждый четвертый – это заметно больше, чем в группах меньшинства – испытывает сомнения и колебания, что уже само по себе до-

статочно симптоматично. Не свободен от них, кстати, и знакомый нам работающий пенсионер В.А., столь суровый в оценке коррумпированных чиновников и столь непреклонный в нежелании отдавать кому бы то ни было из них свой голос на выборах: “Конечно, хотелось бы, чтобы вся эта теневая экономика вообще меня не касалась. Только где же сейчас это бывает?”. И это, как увидим, еще не конечный пункт на пути его отступления от морального ригоризма.

Мы не знаем, насколько легка дорога от отвлеченной морали, унаследованной от советского прошлого, к ценностям правопорядка и законопослушания, без которых утверждение эффективной рыночной экономики немыслимо. Не беремся судить и о том, насколько органично и безболезненно одно способно трансформироваться в другое. Рискнем, однако, предположить, что при сохранении нынешней коррупционно-теневой экономической практики наши потенциальные предприниматели могут принять новые ценности и стать их носителями быстрее, чем люди, обремененные советской ментальной наследственностью.

Да, мы хорошо видим, что ПРЕДпредприниматели больше, чем кто бы то ни было, склонны к апологетике нынешних коррупционно-теневых отношений и к участию в них. Но они делают и важный шаг, свидетельствующий об их психологической адаптации к условиям рыночной экономики в ее реальных постсоветских формах, о неотягощенности их сознания инерцией прежнего дорыночного опыта. Многие представители этой группы как бы говорят: мы молоды, энергичны и хотя пока и небогаты, но надеемся, что так будет не всегда. Однако где же еще искать нам сегодня перспективу экономического благосостояния, кроме как в теневой сфере? “В идеале хотелось бы работать без теневого бизнеса, – говорит учитель средней школы А.А., подрабатывающий репетиторством (английский язык) и подумывающий одновременно о том, чтобы заняться торговлей. – Но это скорее организации, в которых небольшие заработки. А там, где заработки высокие и само предприятие успешное, там обязательно есть «теневая» деятельность. Я хотел

бы получать хорошие деньги за свою работу. Такой вот замкнутый круг получается”.

Очевидно, что в мотивации многих представителей этой группы есть и другая сторона: не просто заработать деньги, а заработать их столько, чтобы они могли стать стартовым капиталом для открытия собственного дела. Работающему студенту В., о котором мы упоминали выше, для этого не хватает именно денег. Чтобы заработать их (а его нынешний доход составляет примерно тысячу долларов в месяц), ему, по его собственной оценке, потребуется два года. И насчет того, каким образом он надеется приобрести их, наш ПРЕДпредприниматель высказывается однозначно: “Да, я работаю и хочу работать в тени... Если когда-нибудь у меня появится выбор, где зарабатывать 1000 долларов – на предприятии, связанном или не связанном (с теневым бизнесом. – *Авт.*), – я, конечно, выберу легальный путь. Но не думаю, что в скором времени появится такой выбор”.

Показательно, что подавляющее большинство (почти 80%) ПРЕДпредпринимателей в числе причин, мешающих им заняться бизнесом, назвали отсутствие финансовых средств. Поэтому их теневые установки и правомерно рассматривать как стремление к *первоначальному накоплению капитала*. Такова реальность постсоветской эпохи и таков реализм людей, которые хотят к ней приспособиться, а не оправдывать свою неспособность бессильной моральной риторикой.

Разумеется, *законопослушание* как мировоззренческая ценность здесь пока почти не просматривается. Но его формирование может ускориться, если потенциальные предприниматели станут предпринимателями состоявшимися. И если это произойдет, то они наверняка поймут, что легальный бизнес может быть более продуктивным, чем теневой, и что на рынке правовой порядок все же удобнее, чем правовой беспредел, при котором чувствовать себя комфортно могут лишь те, кто подавляет экономическую конкуренцию внеэкономическими способами (политическим влиянием, силой бандитского оружия и т. п.).

Короче говоря, наш оптимизм относительно ПРЕДпринимателей, даже будучи весьма умеренным, не имел бы под собой никаких оснований, не будь того *естественного* сближения экономических интересов и ценностей правового порядка, которое наблюдается в “низовой” предпринимательской среде и которое фиксируется в ответах на наши вопросы. Эта небольшая группа тем-то и привлекательна, что ее оценки теневых отношений показывают: ценность законопослушания может возникнуть только тогда, когда сопрягается с экономическим интересом. И если это, как мы предполагаем, происходит, то только потому, что мелкий индивидуальный бизнес разочаровывается в своем союзе с чиновничеством и интересы этих двух социальных групп вступают в непримиримое противоречие. “Думаете, нам нравится работать «в тени»? – вопрошает интервьюера уже известная нам своей эмоциональностью хозяйка ресторана Т.Е. – Кто бы стал платить «крыше», если бы нас охраняла милиция? Кто бы стал давать чиновнику из муниципалитета, если бы он не был всемогущ и не закрыл бы тебя в случае неповиновения?”. И резюме: “Мне на самом деле хотелось бы, конечно, работать честно, чтобы не нужно было ночами не спать, думать, как обходить закон, и изобретать нестандартные способы ведения бизнеса”.

Возможно (и даже наверняка), в оценке предпринимателей мы тоже впадаем в благостное преувеличение. Ведь людей, терпимых к коррупции и теневому бизнесу, среди них почти столько же, сколько нетерпимых. Не забудем, однако, что речь идет о группе, представители которой при нынешних обстоятельствах не могут избежать контактов с теневой экономической средой. И если часть из них не может устоять перед искушениями, если готова согласиться на теневой патернализм власти или производственного начальства, то не потому ли, что видит здесь возможность укрыться от неудобств и опасностей, подстерегающих теневика-одиночку? С другой стороны, если среди наших предпринимателей все же так много и тех, кто демонстрирует нежелание на каких-либо условиях содейство-

вать теневой практике (их доля даже больше, чем в среднем по населению), то это, быть может, симптом того, что, действуя в экономической тени, они хотели бы из нее выйти вообще? В таком случае и в самом деле можно было бы говорить о важных тенденциях. Они тем более важны, что мы имеем здесь дело именно с бизнесом, пусть и самым “низовым”.

В условиях капиталистической экономики правовой порядок, определяющий поведение агентов на рынке, может возникнуть и возникает только на основе *индивидуальной предпринимательской этики*, обеспечивающей соблюдение элементарных правил двустороннего обмена, создающей для них необходимые личностно-культурные (и – тем самым – социокультурные) предпосылки. Она не лишает экономическую выгоду морального статуса, но, наоборот, наделяет ее таким статусом – разумеется, не прямо, а опосредованно, ставя ее (выгоду) под контроль универсальной ценности права, задающего принципы и нормы “честной игры” и обеспечивающего взаимовыгодность индивидуальных выгод. Отсюда, из этой бизнес-точки социального пространства право – как ценность – распространяется обычно и вверх, подчиняя власть и ее институты, и вниз, укореняясь в сознании наемных работников, которые в любом современном обществе составляют большинство населения.

Но для того чтобы такой процесс пошел активно, сам бизнес должен стать экономически сильным и независимым от власти. Пока же в России бизнес вынужден “жить под чиновником”, кормить чиновника, исполнять его волю. Поэтому рынок в России существует, а единого легального порядка нет. И именно поэтому же в сознании бизнесменов постоянно сталкиваются представления о должном и сущем, о желаемом и возможном, логика ценностей и логика интересов. Это, в свою очередь, неизбежно сопровождается внутригрупповыми размежеваниями вроде тех, которые мы могли наблюдать. Примерно такая же картина предстает перед нами и тогда, когда речь заходит не о гипотетическом поведении и гипотетических желаниях,

но о таком сугубо практическом вопросе, как уплата или неуплата налогов.

Уплата налогов: за и против

Предлагая вопросы на эту тему, мы, в отличие от предыдущих тестов, не ставили респондента в положение гипотетического правонарушителя. Мы спрашивали не о возможном поведении человека, а о его отношении к реальному поведению других. Мы рассчитывали, что на такие вопросы люди будут отвечать откровеннее, хотя и предполагали, что косвенно они будут иметь в виду и самих себя. При этом у нас не было намерения выяснять, почему наши сограждане благосклонно или, наоборот, непримиримо относятся к неплательщикам налогов. Нам важно было определить само их отношение к этой важнейшей “теневой составляющей” сегодняшней российской жизни.

Когда речь идет о нарушении закона, человеку всегда небезразлично, кто нарушитель и каковы его мотивы. Хорошо зная, что россияне склонны отделять интересы “простых тружеников” от интересов начальства, мы предположили, что и сокрытие доходов руководителями предприятий и рядовыми работниками они воспринимают и оценивают неодинаково. Поэтому о начальниках и нена начальниках мы спрашивали отдельно. Но и начальники, как известно, бывают разные: одни делятся с подчиненными, другие думают только о себе. Мы предполагали, что к руководителям, которые делятся сокрытыми доходами со своими подчиненными, люди относятся иначе, чем к тем, кто набивает лишь собственный карман, – и это предположение также нашло свое отражение в анкете. Нам важно было понять, насколько массовое сознание отличает индивидуальные отступления от закона, к которым, как правило, “удобно” применять нравственные оценки, от правонарушений институциональных, корпоративных, которые совершают, укрываясь за спиной начальства или даже под его прямым патронажем, – к ним прикладывать моральные мерки куда как сложнее. Наконец, мы пытались

выяснить и отношение к конкретным формам такого патронажа – например, к выплатам наличных денег (в том числе и в иностранной валюте) в обход платежной ведомости.

И еще одно предварительное замечание. Наша работа выходит в свет уже после того, как Государственная дума приняла радикальные поправки к налоговому законодательству. Мы не знаем, как скажутся они на умонастроениях различных групп российского общества, – это станет ясно лишь после того, как новые законы начнут действовать и влиять на повседневный экономический опыт наших сограждан. Через год-полтора такой опрос неплохо было бы повторить: он даст возможность выяснить, как предпринимаемые властями меры, непосредственно затрагивающие интересы людей, отражаются в массовом сознании. В данном же случае речь пойдет о том, как относятся россияне к неуплате налогов сегодня и, следовательно, будут относиться до тех пор, пока новые законы не вступят в силу, то есть до 2001 года.

***То, что не прощают начальникам,
готовы простить подчиненным***

Начнем с ответов на вопрос о неуплате налогов начальством безотносительно к его взаимоотношениям с подчиненными.

Таблица 8

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К РУКОВОДИТЕЛЯМ ПРЕДПРИЯТИЙ, КОТОРЫЕ УКЛОНЯЮТСЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ?

Варианты ответов	Население в целом	Предприниматели	ПРЕДпредприниматели	НЕпредприниматели
С одобрением	3	11	6	2
С пониманием	19	35	26	15
С осуждением	52	29	39	58
Мне это безразлично	18	18	25	17
Затрудняюсь ответить	8	7	4	9

Нетрудно заметить, что если в вопросе о теневых отношениях внимание респондента направить не на его собственные гипотетические выгоды, а на правонарушения тех, кто извлекает пользу из своего руководящего статуса, то вся картина существенно меняется. Заметно сокращается численность относящихся к теневой деятельности (а неуплата налогов – это сегодня едва ли не главное ее проявление) благосклонно или хотя бы терпимо – и среди населения в целом, и в рядах НЕ-предпринимателей, и, что самое, пожалуй, интересное, среди потенциальных предпринимателей. Более того, последние теперь уже не выглядят самыми убежденными сторонниками теневой практики, уступая место предпринимателям реальным.

Такого рода сдвиги свидетельствуют, очевидно, о том, что некоторые ПРЕДпредприниматели хотели бы действовать в теневой сфере и пользоваться преимуществами, предоставляемыми ею, но пока этого не произошло (или произошло не в той мере, как хотелось бы), они склонны скорее судить, чем оправдывать тех, кто оказался удачливее. Интерес против морали, когда интерес свой; мораль против интереса, когда интерес чужой, – такова, надо полагать, особенность самооощущения, свойственного многим представителям современного российского общества, выделяющимся на общем фоне активностью своих жизненных установок.

Правда, среди наших собеседников, принадлежащих к этой группе, не оказалось ни одного, кто реагировал бы на уклоняющихся от уплаты налогов хозяйственников как на “безобразников” (“потому что это *безнравственно*”), подобно далекой от бизнеса Н.В. – научной сотруднице академического центра, семья которой вынуждена довольствоваться месячным доходом в 800 рублей на человека. Моральный пафос у ПРЕДпредпринимателей приглушен, но и здесь его порой можно уловить тоже. Например, начальник подразделения одного из оборонных заводов не без негодования говорит о банках, где “делают деньги из воздуха”, и предприятиях, где “верхушка гребет все деньги себе, а рабочие сидят в нищете”, что, впро-

чем, не мешает ему “исключительно положительно” относиться к уклоняющимся от налогов руководителям, работающим в “госбюджетной производственной сфере”. Получается, одни и те же правонарушения могут избирательно подводиться под понятия справедливости и несправедливости – в данном случае в зависимости от того, в каком секторе экономики человек работает.

Таким образом, и в группе ПРЕДпредпринимателей за моральным осуждением просматриваются вполне определенные неудовлетворенные интересы. Их предельно точно выразил один из наших собеседников – молодой врач-анестезиолог Д., не исключающий для себя возможности заняться бизнесом в области медицины. Свое отрицательное отношение к налогонеплательщикам он объясняет тем, что он – бюджетник и с этих налогов живет. Но, продолжает он, “если бы я работал в фирме, я бы наверняка рассуждал по-другому”, а если бы занимался бизнесом, то “играл бы по действующим правилам, то есть вел двойную бухгалтерию и уходил от налогов”. Можно предположить, что сдержанное или откровенно негативное отношение к уклоняющимся от уплаты налогов руководителям характерно прежде всего для тех потенциальных предпринимателей, которые сегодня работают именно в бюджетной сфере; во всяком случае, некоторые интервью дают для таких предположений определенные основания. Что касается ПРЕДпредпринимателей, работающих в частных фирмах, то они обычно к руководителям-налогоплательщикам относятся с полным пониманием и сочувствием. Почему – понять нетрудно: ведь именно благодаря таким руководителям и их покровительству они могут уже сейчас, ничем не рискуя, пользоваться всеми преимуществами нелегальной и полулегальной экономики.

Не исключено, что среди ПРЕДпредпринимателей, осуждающих неуплату налогов хозяйственниками и – одновременно – настроенных на работу в теневой сфере, есть и такие, кто понимает: желание действовать в этой сфере не очень-то согласуется с ее осуждением. Возможно, именно они, пытаются

уйти от этой несогласованности и затушевать ее, заняли позицию безразличия – ее предпочел в данной группе каждый четвертый, что заметно выше соответствующих показателей в других группах и в среднем по населению.

Что касается предпринимателей, то их более благосклонное, чем у других, отношение к хозяйственникам, уклоняющимся от налогов, на первый взгляд, перечеркивает те надежды, которые мы пытались на них возложить. Но это – лишь на первый взгляд. Да, в их среде наивысший процент людей, не просто сочувствующих руководителям-налогоплательщикам, но и поддерживающих их. И все же такие люди (“одобряющие”) составляют очевидное меньшинство – один из девяти представителей данной группы. Большинство же предпринимателей относится к сокрытию доходов хозяйственниками или позитивно-сдержанно (“с пониманием”), или осуждающе.

То, что среди них наивысший процент “понимающих”, представляется нам чрезвычайно важным. Это значит, что многие из них могут поставить себя на место людей, вынужденных приспособляться к нынешним разорительным налоговым ставкам. Но это может свидетельствовать и о другом.

Если люди относятся к теневой практике “с пониманием” (а не “с одобрением”), то они демонстрируют тем самым отнюдь не юридический нигилизм, не пренебрежение законодательными нормами как таковыми. Они как бы говорят: нарушать нормы – это плохо, это – непорядок, но когда сами нормативные требования настолько завышены, что соблюдать их становится невозможно, то отступление от них в тень становится вынужденной необходимостью. “Как я, так и мои товарищи, мы считаем, что уклонение от налогов – это незаконно, но это не самый большой грех, который может быть. Потому что пока нет нормального налогового законодательства, которое позволяло бы открыто зарабатывать деньги, а не работать «по-черному», как это сейчас делается”. Таково мнение молодого предпринимателя О.Д., занимающегося политической рекламой, и в этом с ним солидарны все его коллеги по бизнесу,

с которыми нам довелось беседовать. Неуплата налогов хозяйственными руководителями воспринимается ими как правонарушение, но правонарушение неизбежное, спровоцированное существующими нормами, как правонарушение поневоле. И если такие представления действительно свойственны многим предпринимателям, то у нас нет пока оснований отказываться от своих предположений и хоронить надежды на их восприимчивость к ценности законопослушания.

Материалы опроса можно трактовать в том смысле, что в сознании значительной части предпринимателей наметился конфликт между экономическими интересами и формирующимися правовыми ценностями, и во многих случаях он обнаруживает себя даже тогда, когда люди проецируют свои интересы на интересы других. Это не значит, что в условиях нынешней тотально-теневой практики конфликт может быть решен в пользу правовых ценностей. Правомерно говорить лишь о том, что в “низовой” предпринимательской среде вызывает неприятие самой такой практики.

И, наконец, о тех предпринимателях, которые уклоняющихся от налогов хозяйственников осуждают (таких, напомним, все же немало – больше четверти). Их позиция может быть продиктована разными причинами. Возможно, они полагают, что даже непомерные налоговые ставки не могут служить оправданием правонарушений. Но не исключено, однако, что мы сталкиваемся тут с ревнивым отношением представителей мелкого неорганизованного бизнеса к бизнесу организованному, теневые возможности которого выглядят в глазах бизнесменов-одиночек несопоставимо более значительными и который может казаться поэтому одним из главных генераторов нынешней теневой практики и одним из главных препятствий на пути к правовому порядку.

Понять, какая мотивация здесь преобладает, нам помогут данные, фиксирующие отношение к неуплате налогов хозяйственными руководителями, а рядовыми людьми. Эти дан-

ные позволят уточнить и представления об особенностях сознания других интересующих нас групп российского общества.

Таблица 9

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К РЯДОВЫМ ГРАЖДАНАМ, КОТОРЫЕ УКЛОНЯЮТСЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ?

Варианты ответов	Население в целом	Предприниматели	ПРЕДприниматели	НЕпредприниматели
С одобрением	5	11	8	4
С пониманием	37	59	46	34
С осуждением	34	13	23	38
Мне это безразлично	14	14	18	14
Затрудняюсь ответить	9	3	5	11

Первое, что бросается в глаза, – резкий рост и среди населения в целом, и в каждой группе численности “понимающих” и существенное снижение численности “осуждающих”. Почти повсеместно – исключение составляют только предприниматели – увеличилась доля “одобряющих”, хотя и очень незначительно. Но в целом сдвиги в настроениях более чем впечатляющие.

Мы, разумеется, далеки от того, чтобы всех “одобряющих” и “понимающих” зачислять в ряды налогоплательщиков, как не можем исключать и того, что в оценках многих из них содержится и самооценка собственного теневого поведения. Но мы вправе утверждать вполне определенно: когда человек может соотнести подобное поведение с действиями таких же людей, как он сам, а не начальников, к которым сохраняется традиционное для России предубежденно-подозрительное отношение, его нетерпимость притупляется и даже заменяется чувством солидарности. И так – во всех без исключения группах.

Вполне оправданным – и мы впервые можем это наглядно продемонстрировать – оказалось наше предположение о том,

что в сознании непредпринимательского большинства моральное осуждение теневого образа жизни вызывается ощущением его недосыгаемости: как только появляется возможность соотнести такой образ жизни с собственными частными интересами (или хотя бы с собственным материальным положением), мораль начинает свои позиции сдавать. Научный сотрудник Н.В. – та самая, что считает укрывающихся от уплаты налогов руководителей «безобразниками», — к рядовым налогоплательщикам относится вполне благосклонно: “Если государство не способно обеспечить гражданам достойный уровень жизни, то нечего удивляться, что они его обманывают... У меня, например, есть личный парикмахер. Она меня стрижет дешевле, чем в парикмахерской, и, естественно, с тех денег, что я ей плачу, налогов не платит. И я ее не осуждаю, потому что это не от хорошей жизни”. Правда, совокупный процент “одобряющих” и “понимающих” в группе НЕпредпринимателей остается все-таки заметно ниже, чем в каждой из двух других групп, а процент “осуждающих” – выше. Это значит, что определенный водораздел между большинством и меньшинством российского общества сохраняется и в данном случае, что свидетельствует об устойчивости выявленных нами тенденций.

И у ПРЕДпредпринимателей мы наблюдаем то же самое: рецидив морального отторжения, который обнаружился у многих из них по отношению к теневикам-начальникам, исчез, не оставив и следа. Впрочем, и они, похоже, отдают себе отчет в том, что неуплата налогов – это правонарушение, и открыто приветствовать такое поведение не решаются. Поэтому, быть может, в их рядах так мало “одобряющих” и так много “понимающих”. Однако ставить их, исходя из этого, в один ряд с предпринимателями и говорить применительно к ним о конфликте экономических интересов и правовых ценностей у нас по-прежнему нет оснований. Их интересы в теневой сфере не могли быть ущемлены, невыгоды и риски работы в теневом бизнесе они на собственном опыте не познали, а лишь познали или хотят познать ее выгоды, а потому и неоткуда взяться

здесь ценностям, с этими интересами конфликтующим. Показательно, кстати, что тональность высказываний о необходимости правового порядка у предпринимателей и ПРЕДпринимателей разная – личностно-эмоциональная у первых и отстраненно-рассудочная у вторых, что может служить важным свидетельством неодинаковой актуализации самого вопроса о переходе к такому порядку у тех и других.

О предпринимателях же мы можем позволить себе повторить то, что уже было сказано. Оценивая рядовых налогоплательщиков, они, скорее всего, имеют в виду прежде всего самих себя. Поэтому столь фантастически велика в их рядах совокупная доля “одобряющих” и “понимающих”, доходящая до 70%; более высокой, чем в этом случае, оценки теневых отношений мы у них (в отличие от других групп) в дальнейшем уже не обнаружим. Если же речь идет об оценке собственного теневого поведения, то явное преобладание в составе предпринимателей “понимающих” над “одобряющими” мы вправе комментировать так, как уже комментировали, отделяя их в этом отношении от всех остальных. Речь, повторим, идет о начавшемся в их среде формировании правовых ценностей.

Полученная информация позволяет ответить и на вопрос, чем руководствуются те предприниматели, которые осуждают уклоняющихся от налогов руководителей. Судя по всему, здесь все же больше неприязни к теневому организованному бизнесу, чем убежденности, что даже в нынешних условиях теневое поведение может и должно быть вытеснено законопослушным. Предприниматель Ж.В. не скрывает, что она уклоняется от уплаты налогов. “Если я буду платить налоги, то я себе ботинок не куплю”. Но она не склонна ставить знак равенства между своим мелким бизнесом и крупными корпорациями: “Я понимаю, «Газпром» налоги укрывает. Но ведь у них какой уровень доходности! А мне, по большому счету, что скрывать? Какие у меня прибыли? Я вообще считаю, что налоги нужно брать только с тех, у кого прибыль от тысячи долларов в месяц”. Примерно в том же духе рассуждает известный нам предприниматель

в области политической рекламы О.Д.: “Когда небольшая фирма ведет двойную бухгалтерию, – это нормально в наших условиях. Но если это какая-то крупная структура, как «Газпром» – она монополист, цены может устанавливать, какие захочет, и потому она пусть платит налоги. Там денег много, и они не разорятся. А малые предприятия разорились бы, их бы не было”.

Эти высказывания помогают лучше понять природу настроений в предпринимательских низах и интерпретировать полученные нами цифровые данные. Обратите внимание: в рядах предпринимателей в два с лишним раза меньше тех, кто осуждает рядовых налогоплательщиков, чем тех, кто осуждает неплательщиков-начальников. В этой связи мы вправе предположить, что в данной группе все-таки очень немного людей, способных и готовых уже в нынешней ситуации и при нынешних законах разрешить конфликт экономических интересов и правовых ценностей в пользу сознательного законопослушания. Впрочем, и относительно них у нас нет полной уверенности в том, что дело обстоит именно так: ведь под рядовыми налогоплательщиками они вполне могут подразумевать не себя или себе подобных, а своих соотечественников с высокими и сверхвысокими доходами. Применительно же ко всем другим предпринимателям можно говорить о своего рода *упреждающем правосознании* без установки на реальное правовое поведение, о правосознании людей, возникающем как реакция на неправоую среду, в которой им приходится действовать. Поэтому, кстати, новая шкала налогообложения может им прийти по душе. Вопрос лишь в том, *поверят* ли они властям и решатся ли декларировать доходы, существенно превышающие объявлявшиеся ими прежде.

О терпимости к корпоративному сокрытию доходов и популярности “черного нала”

Все, что говорилось до сих пор об отношении наших сограждан к неуплате налогов, касалось неплательщиков инди-

видуальных, будь то руководители предприятий или рядовые работники. Между тем в реальной жизни те и другие, как правило, не изолированы друг от друга, а включены в корпоративные связи, при которых скрывающие доходы начальники могут теми или иными способами делиться с подчиненными. Выяснить отношение общества к такого рода корпоративно-патронажной теневой практике важно уже потому, что именно она получила широкое распространение в позднесоветскую эпоху, хотя, разумеется, и в иных, по сравнению с сегодняшними, формах.

Таблица 10

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К РУКОВОДИТЕЛЯМ ПРЕДПРИЯТИЙ И ФИРМ, КОТОРЫЕ УКЛОНЯЮТСЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ, ЧТОБЫ УПРОЧИТЬ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СВОИХ РАБОТНИКОВ?

Варианты ответов	Население в целом	Предприниматели	ПРЕДприниматели	НЕпредприниматели
С одобрением	13	15	16	12
С пониманием	31	37	38	29
С осуждением	31	24	23	33
Мне это безразлично	12	15	14	11
Затрудняюсь ответить	13	10	8	15

Изменения, если сравнивать приведенные данные с отношением к индивидуальным рядовым налогоплательщикам, просто поразительные. Начнем с того, что среди населения в целом и в группах ПРЕДпринимателей и НЕпредпринимателей в два-три раза увеличился процент “одобряющих”, причем потенциальные бизнесмены впервые опередили по этому показателю бизнесменов состоявшихся. Интересно и то, что совокупная численность “одобряющих” и “понимающих” среди последних заметно уменьшилась, между тем как в двух дру-

гих группах и в общей массе опрошенных она или осталась неизменной или даже несколько возросла (у НЕпредпринимателей). А вот с “осуждающими” все обстоит наоборот: в рядах предпринимателей их стало почти вдвое больше, среди ПРЕдпредпринимателей их численность не изменилась, а в целом по населению и в составе НЕпредпринимателей уменьшилась, хотя и незначительно. Что же скрывается за этими впечатляющими сдвигами в оценках?

Мы уже могли убедиться в том, что чисто моральный иммунитет против теневых искушений у человека из непредпринимательского большинства ослабляется по мере того, как искушения эти приближаются к нему самому, открывают перед ним перспективу удовлетворения его собственных интересов. К сказанному можно теперь добавить: сопротивляемость становится еще слабее, когда речь заходит не об индивидуальных правонарушениях с сопутствующей им персональной ответственностью, а о выгодной теневой деятельности под опекой и патронажем руководителей, берущих всю полноту ответственности на себя и освобождающих от нее подчиненных. “Вообще-то, если руководитель фирмы и налоги прячет, и рабочим доплачивает, то это и ничего”, – говорит работающий пенсионер В.А., которого мы уже неоднократно цитировали (надеюсь, что его негодование против начальственной “нелегалщины” читателем еще не забыто). Наверное, такая практика в глазах многих не выглядит даже противозаконной, а кажется обычной и нормальной – иначе трудно объяснить резкий рост численности одобряющих ее по сравнению с численностью тех, кто одобряет индивидуальное уклонение от налогов. Эта психология, сформированная корпоративно-патронажными теневыми отношениями при брежневском “развитом социализме” и органично воспроизводящаяся постсоветским недоразвитым капитализмом, несколько сближает, судя по нашим данным, нынешних потенциальных предпринимателей и тех, кто предпринимательства чурается. Но – опять-таки не настолько, чтобы говорить о стирании различий.

Но почему же вновь утрачивают свое место теневых лидеров наши предприниматели? Видимо, как раз потому, что бизнес у них индивидуальный, а не корпоративный (что, кстати, не могло не проявиться в ответах не только на этот, но и на большинство предыдущих вопросов). Возможно, и в данном случае сказывается не очень благосклонное отношение мелких бизнесменов-одиночек к организованному государственному и частному бизнесу с его унаследованными от советского времени корпоративно-патронажными особенностями, позволяющими ему, как полагают представители мелкого бизнеса, более успешно адаптироваться к современной коррупционно-теневой реальности.

Правда, в высказываниях наших собеседников-предпринимателей это предположение подтверждения не находит. Быть может, в том числе и потому, что они – не совсем одиночки, а владельцы и руководители небольших фирм: у них есть наемные работники (пусть всего два-три), которых надо стараться удержать, а потому приходится думать и о том, чтобы “упрочивать их материальное положение”. А вот в оценках тридцатилетнего Е.М., который раньше торговал автомобильными приемниками, сегодня выступает в роли незарегистрированного таксиста, использующего свою машину, а в будущем хотел бы возить пассажиров на личном автобусе (как читатель, возможно, помнит, лицензия на перевозки им уже получена), наша версия вроде бы подтверждается. “Может быть, – говорит он, – где-то и есть такое, что руководители уклоняются от налогов в пользу своих сотрудников, но это единичные случаи. Платят деньги сотрудникам ведь не для того, чтобы человек упрочивал свое материальное положение, а для того, чтобы он вообще смог прожить. А «упрочивают» материальное положение только начальники”. Такое представление об организованном бизнесе играет, наверное, не последнюю роль в жизненных установках этого респондента: он, по его собственному признанию, потому и ориентируется на индивидуальную деятельность, что ни в каких корпорациях работать не хочет.

Но если подобные настроения действительно достаточно широко распространены в нашем “низовом” предпринимательстве, то они должны проявиться и в их восприятии конкретных нелегальных форм оплаты труда работников, используемых сегодня многими руководителями. И прежде всего – “черного нала”. Посмотрим же, как реагируют на него наши предприниматели и чем отличаются они в этом отношении от других групп.

Таблица 11

СУЩЕСТВУЮТ РУКОВОДИТЕЛИ, КОТОРЫЕ ПОМИМО ЗАРПЛАТЫ, ОТРАЖЕННОЙ В ОФИЦИАЛЬНОЙ ПЛАТЕЖНОЙ ВЕДОМОСТИ, РАСПЛАЧИВАЮТСЯ С РАБОТНИКАМИ НАЛИЧНЫМИ (С ТОМ ЧИСЛЕ И ВАЛЮТОЙ). КАК ВЫ К ЭТОМУ ОТНОСИТЕСЬ?

Варианты ответов	Население в целом	Предприниматели	ПРЕДприниматели	НЕпредприниматели
С одобрением	21	20	30	18
С пониманием	26	30	29	23
С осуждением	22	7	15	27
Мне это безразлично	16	27	16	16
Затрудняюсь ответить	15	16	10	16

Обратите внимание, что это, по сути, тот же самый вопрос, что и предыдущий, только в несколько иной, более конкретной формулировке: ведь нелегально расплачиваться с работниками руководители могут только сокрытыми денежными доходами. И, тем не менее, ответы на эти вопросы существенно разнятся.

Прежде всего отметим, что численность “одобряющих” во всех группах и в среднем по населению возросла еще больше. Возможно, сказалось тут то, что в вопросе не содержится прямого указания на правонарушение, в том числе и на неизбежное при оплате “черным налом” уклонение от уплаты нало-

гов: ведь декларировать нигде не зафиксированные и не задокументированные доходы не приходит в голову ни тем, кто расплачивается неучтенными деньгами, ни тем, кто их получает. Это значит, что данный способ финансовых расчетов в глазах многих стал выглядеть почти легальной обыденностью, – подобно тому, скажем, как воспринимается оплата без квитанции какой-либо бытовой услуги.

Именно поэтому, наверное, во всех группах и среди населения в целом так мало тех, кто к “черному налу” относится негативно. Меньшего числа “осуждающих” мы не видели в ответах ни на один вопрос, прямо или косвенно касающийся сокрытия доходов.

Можно сказать, что мы имеем дело с массовым воспроизводством психологии агентов социалистического черного рынка, но – с одной существенной разницей. При “развитом социализме” на этом рынке можно было купить и продать почти все, но труд по месту работы нельзя было продать иначе, чем за официальную зарплату, фонды которой советская власть планировала и держала под контролем. Финансовыми ресурсами, не учтенными государством, руководители предприятий тогда не располагали. В те времена хозяйственники в основном “расплачивались” со своими работниками ресурсами вещественными – не учтенной (и не могущей быть полностью учтенной) государством принадлежащей ему собственности было более чем достаточно, чтобы удовлетворять аппетиты бесчисленной армии рядовых и нерядовых “несунов”, дабы удержать их от превращения в “летунов”.

Сегодня прежние ограничители устранены, а новые препятствия хозяйственники научились безнаказанно обходить. У руководителей появились теневые финансовые средства, в том числе и валютные, в результате чего черный рынок не только не исчез, но расширился и усовершенствовался, произошло вытеснение его архаичного натурального сегмента современным денежным. В этом – своеобразие нынешних теневых от-

ношений на предприятиях и в учреждениях по сравнению с социалистическими, хотя и отрицать преимущественную связь между “новым” и “старым” было бы нелепо. В том числе и потому, что речь, как и прежде, идет об отношениях корпоративно-патронажных, о нелегальной или полунелегальной торговле между собственниками рабочей силы и обладателями руководящих статусов, которые получили возможность оплачивать эту рабочую силу из контролируемых ими теневых финансовых источников.

Короче говоря, вместо канувшего в прошлое черного рынка дефицита и рядом с унаследованным от советских времен черным рынком услуг (медицинских, бытовых, чиновничьих и прочих) возник *черный рынок труда*, на котором значительная, если не преобладающая, часть заработка выплачивается неофициально, что автоматически выводит его из-под налогообложения. Надо ли удивляться, что так много наших сограждан относятся к “черному налу” не только “с пониманием”, но и “с одобрением”?

Нетрудно заметить, что установка на “черный нал” наиболее широкое распространение получила среди людей, принадлежащих, как правило, к постсоветскому поколению и названных нами ПРЕДпринимателями: совокупная доля “одобряющих” и “понимающих” составляет в их среде почти 60%. При этом доля “одобряющих” достигает здесь почти трети, что в полтора с лишним раза больше, чем среди непредпринимательского большинства и почти в полтора раза больше, чем в среднем по населению. И такие настроения не покажутся странными, если вспомнить все, что мы уже знаем о представителях данной группы.

Будучи убежденными в том, что сколотить необходимый для открытия собственного дела стартовый капитал можно только в теневой сфере, они прекрасно понимают и то, что сама эта сфера открывает свои возможности для наемных работников,

каковыми они являются, только благодаря хождению “черного нала”. Без него, по мнению многих из них, не только деньги для занятия бизнесом накопить невозможно, но и просто сносно существовать. “Лично у меня оклад составляет 417 рублей, – говорит хорошо уже знакомый нам работающий студент В., реально зарабатывающий, напомним, тысячу долларов в месяц. – Хотел бы я посмотреть, как вы проживете на такие средства. А то, что расплачиваются валютой, в этом я вообще не вижу криминала, потому что в наше нестабильное время все крупные фирмы равняют зарплаты на курс доллара”.

Эта информация, помимо прочего, интересна и тем, что снова подводит нас к вопросу об эффективности нового налогового законодательства. Мы не хотели бы заранее ставить ее под сомнение, но если заработок человека в 60 с лишним раз превышает его официальный доход, и он эту разницу скрывал, то осмелится ли он тайное сделать явным, не побоится ли, что прошлые грехи ему припомнят? И другой вопрос, быть может, еще более важный: решатся ли руководители его предприятия легализовать все деньги, идущие на зарплату сотрудникам, даже если при новой (регрессивной) шкале налогообложения зарплаты увидят в этом свою выгоду? Это, повторим, вопросы о доверии власти, и от ответов на них мы бы пока воздержались. Но то, что они приобретают сегодня, наряду с психологическим и политическим, еще и *экономическое* измерение, сомнений не вызывает.

Приведенные нами цифры и высказывания наводят на мысль, что в стране наметилось не просто поколенческое, но и ментальное размежевание между большинством и меньшинством населения, в основе которого – разноступенчатость теневых отношений и, соответственно, разное восприятие их, а точнее – их самой распространенной постсоветской формы, именуемой в обиходе “черным налогом”. Конечно, границы между двумя этими сегментами общества не жесткие и закрытые, а подвижные и

открытые, но сама тенденция слишком очевидна, чтобы ее игнорировать. Мы имеем в виду не столько размежевание между предпринимателями и наемными работниками, сколько размежевание между разными группами самих наемных работников. Одни – НЕпредприниматели – от теневой сферы в массе своей отстранены и воспользоваться ее преимуществами не рассчитывают. Другие – ПРЕДпредприниматели – в нее уже погружены или надеются погрузиться, до поры до времени ничем не рискуя, оставляя всю связанную с этим ответственность привилегией своих хозяев-бизнесменов. Поэтому, очевидно, представители именно этой группы демонстрируют самую большую любовь и к “черному налу”, и к руководителям, скрывающим доходы, дабы упрочить материальное положение работников.

Осталось выяснить, по какую сторону от линии размежевания находится российское “низовое” предпринимательство. Может показаться, что оно примыкает к непредпринимательскому большинству – по крайней мере по доле людей, которые к нелегальному хождению рублей и долларов относятся “с одобрением”. Не будем, однако, торопиться с выводами. Во-первых, именно этот вопрос вызвал, похоже, у предпринимателей наибольшие затруднения: свыше 40% их представителей под тем или иным предлогом от прямого ответа на него предпочли уклониться. Во-вторых, они меньше, чем кто бы то ни было, склонны “черный нал” осуждать, что довольно резко контрастирует с их ответами на предыдущий вопрос – об отношении к руководителям, уклоняющимся от уплаты налогов ради блага руководимых (хотя по смыслу, повторим, речь идет об одном и том же).

Возможно, дело тут в том, что наши “низовые” бизнесмены, оценивая хождение “черного нала”, испытывали двойственные чувства. С одной стороны, упоминание о черной наличности, как можно предположить, вызывает у них живые ассоциации

с их собственной деятельностью, что и проявилось в нежелании и неготовности осуждать ее. С другой – речь в нашем вопросе идет все-таки не об индивидуальной, а о корпоративно-патронажной теневой практике, в которую они не включены и к которой многие из них относятся не без предубеждения. Поэтому-то, быть может, так велик в их рядах процент людей, либо затруднившихся ответить на этот вопрос, либо проявивших безразличие к самому явлению. Не исключено, впрочем, что кто-то таким образом хотел скрыть свою причастность к нему.

И, тем не менее, каждый пятый в этой группе признал, что такую форму нелегальных финансовых расчетов одобряет. Это значит, что в сознании каждого пятого предпринимателя конфликт экономических интересов и правовых ценностей, о котором мы говорили, никак себя не обнаруживает, – по той, очевидно, причине, что интересы удовлетворяются в условиях вполне комфортных, без особых неудобств. По отношению же ко всем остальным представителям данной группы наше предположение о правовых ценностях, прорастающих из интересов, ущемленных в теневой сфере, остается в силе. Оно навеяно всей совокупностью приведенных выше цифровых выкладок и высказываний наших респондентов, хотя, разумеется, мы отдаем себе полный отчет в том, что это всего лишь гипотеза.

**Смягчать или ужесточать законы?
(грань между коррупцией и теневым бизнесом
в массовом сознании)**

В начале главы мы приводили данные о том, как воспринимают проблему борьбы с коррупцией и теневой экономикой представители интересующих нас общественных групп, насколько важной ее считают. Мы отметили также парадоксальное несовпадение жизненного опыта и жизненных установок российских

предпринимателей: с коррумпированными чиновниками они непосредственно сталкиваются чаще других, а важность проблемы борьбы с коррупцией и теневой экономикой оценивают ниже других. Теперь, выяснив отношение разных групп к теневой деятельности, мы можем сказать, что парадокс этот оказался не единственным.

Дело в том, что данные, фиксирующие отношение к проблеме борьбы с экономическими правонарушениями, отнюдь не всегда согласуются с информацией о распространенности теневых установок в той или иной группе. Соответствие более или менее отчетливо просматривается у НЕпредпринимателей, а вот среди потенциальных бизнесменов его, при всем желании, обнаружить нельзя: с одной стороны, они больше всего подвержены теневым искушениям, а с другой – проблема борьбы с нелегальной экономической деятельностью кажется им даже более важной, чем предпринимателям, у которых податливость на такие искушения начинает вроде бы ослабевать. Кажется, тут что-то не так: нельзя стремиться к какой-то цели и одновременно желать препятствий на своем пути.

Понять природу этих несоответствий нам могут помочь данные, фиксирующие представления респондентов о наиболее эффективных *методах* наступления на коррупцию и теневой бизнес. Дело в том, что для кого-то оно может ассоциироваться с лобовой административно-полицейской атакой, а для кого-то – с устранением причин явления (прежде всего экономических), причем само такое устранение может казаться особой и самостоятельной задачей, перед которой полицейские меры выглядят второстепенными или даже третьестепенными.

Таблица 12

Как, по ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ЛЕГЧЕ СПРАВИТЬСЯ С ТЕНЕВЫМ БИЗНЕСОМ, КОРРУПЦИЕЙ, ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ?

Варианты ответов	Население в целом	Предприниматели	ПРЕДприниматели	НЕпредприниматели
Обеспечить неотвратимость наказания в соответствии с существующими законами	37	29	37	38
Ввести чрезвычайные законы и доверить их исполнение политику-диктатору	23	15	20	24
Смягчить законы, чтобы создать благоприятные условия для развития легального предпринимательства	21	40	31	16
Другое	2	7	1	2
Затрудняюсь ответить	18	10	11	19

Дело, кажется, начинает проясняться. Для представителей российского “низового” бизнеса коррупция, с которой они сталкиваются чаще других, и теневые отношения, в которые они непосредственно вовлечены, – это их *личные* проблемы, неотъемлемая составляющая их образа жизни. Поэтому среди них наивысший процент тех, кто видит корень зла не в нарушении законов, а в самих законах (прежде всего налоговых). В полном соответствии с нашей гипотезой о формировании в сознании предпринимателей правовых ценностей многие из них как

бы говорят: расширьте пространство легальной свободы, сделайте юридические нормы более либеральными, устранили жесткие правила, загоняющие нас в теневую сферу, и мы из нее выйдем, потому что чувствуем себя здесь неуютно.

Однако даже в предпринимательской среде “либерализаторы” не составляют большинства. Среди бизнесменов немало и тех, кто видит выход в ужесточении контроля за соблюдением действующих законов. Есть среди них даже сторонники чрезвычайщины и диктатуры. В том и другом случае мы, возможно, имеем дело с людьми, для которых вопрос о нелегальной экономической деятельности и о борьбе с ней – это вопрос, относящийся не столько к *теневому бизнесу* (то есть к ним самим), сколько к *коррупцированным чиновникам*. “Здесь нужно разделить, – говорит молодой предприниматель Г., один из совладельцев финансового холдинга. – Теневой бизнес – это одно, а криминал и коррупция – это уже совсем другое. Одно дело, когда человек не платит налоги, то есть, по сути дела, не дает государству себя ограбить, и совсем другое, если нарушается уголовный кодекс”. Предприниматели, напомним еще раз, намного чаще, чем кто бы то ни было, непосредственно сталкиваются с коррупционерами, и, видимо, собственный опыт заставляет их с пессимизмом относиться к предположению, что со злоупотреблениями государственных служащих можно справиться, не прибегая к жестким репрессивным мерам.

Таким образом, первый из выявленных нами парадоксов можно объяснить тем, что не все представители российского “низового” бизнеса одинаково воспринимают саму проблему борьбы с экономическими правонарушениями. Одни, как можно предположить, выдвигают на первый план изменение законодательных правил игры, которое может казаться не имеющим к такой борьбе никакого отношения, выглядеть совсем *другой* проблемой. Иных же больше волнует обуздание чиновничества, принуждение его к соблюдению хотя бы тех законов, которые уже существуют. Тем же, кто такой возможности сегодня не видит, остается уповать разве что на диктатуру, – сравнитель-

но небольшая часть предпринимателей все же готова ее приветствовать.

Это многообразие настроений в российской предпринимательской среде, соответствующее возрастающей конфликтности интересов бизнесмена и чиновника, отчетливо просматривается и в высказываниях уже знакомых нам предпринимателей. “Чиновников надо страшить, – убежден предприниматель в области политической рекламы О.Д. – Чиновник должен бояться и осознавать, что сегодня он на этой должности находится, а завтра может быть с позором с нее выгнан. Уголовная ответственность чиновника должна быть выше”. Есть среди наших собеседников и сторонники диктаторских методов. “Я считаю, что нужен президент-диктатор, который бы жестко следил за исполнением законов, – говорит предпринимательница М.Е. – Подавлять теневую экономику, особенно взятки, нужно только одним способом: сажать”.

Но подобные высказывания – обращаем на это особое внимание – вовсе не означают, что сторонники карательных мер против чиновников не озабочены качеством тех законов, которые постоянно норовят обойти и обходят не только государственные служащие, но и сами предприниматели. В том-то все и дело, что идея жесткого контроля за поведением чиновника неотделима в сознании бизнесменов от идеи либерализации имеющих отношение к бизнесу юридических норм. Та же М.Е., мечтающая о законоблюстителе-диктаторе, убеждена и в том, что “нужно создавать условия для легального бизнеса”, что сами “законы должны быть направлены на создание благоприятных условий для легальной экономики”. Это значит, что “либерализаторов” среди российских предпринимателей скорее всего гораздо больше, чем это следует из приведенных нами цифр, а сами цифры свидетельствуют не столько о количественном соотношении приверженцев экономических и полицейско-репрессивных методов борьбы с коррупцией и теневой экономикой, сколько о том, какие методы выглядят в глазах респондентов *приоритетными*, и в каких пропорциях представления

об этих приоритетах распределяются сегодня в российской “низовой” предпринимательской среде.

Остается, однако, неясность насчет того, как реакция предпринимателей на произвол коррумпированного чиновника, ущемляющего их интересы, сочетается у них с пониманием интересов самого чиновничества и того экономического положения, в которое оно поставлено в современной России. Этот сюжет тоже закладывался нами в программу исследования, и кое-какую социологическую информацию по данному вопросу нам удалось получить.

Имея в виду опыт развитых стран, мы спросили респондентов, снизится ли, по их мнению, уровень коррупции в России, если увеличить зарплату чиновникам. Почти половина предпринимателей (46%) ответила отрицательно, 28% полагают, что увеличение зарплаты могло бы помочь, но лишь в небольшой степени, и лишь 14% верят, что результат может быть значительным. При этом предприниматели относятся к чиновникам лояльнее других, демонстрируют повышенную готовность войти в их положение и считаться с их интересами. Если в сравнении с ПРЕДпредпринимателями это почти не заметно, то при сопоставлении с НЕпредпринимателями (соответствующие показатели здесь 54, 21 и 12%) различия достаточно выразительные. Однако и в среде “низовых” бизнесменов недоверие к государственным служащим распространено, как видим, очень широко. Возможно, это связано с тем, что в нашем вопросе не было оговорено дополнительное условие, при соблюдении которого повышение окладов выглядело бы в глазах бизнесменов более мотивированным и которое сформулировала – мы ее уже цитировали – предприниматель Ж.В.: “Да, нужно платить (чиновнику. – *Авт.*) хорошую зарплату, даже очень хорошую, но и карать намного строже, чем рядового воришку”. А пока это не гарантировано, вера в то, что чиновников можно “перевоспитать”, повысив должностные оклады, не очень крепка. Не беремся судить, насколько это недоверие и это неверие оправ-

данны. Будем исходить из того, что предприниматели отвечали на наш вопрос со знанием дела.

Но если так, то почему в непредпринимательском большинстве, которое сталкивается с коррупционерами несопоставимо реже, предубеждение против чиновников еще сильнее? Почему процент уповающих на принудительные меры здесь выше, чем у предпринимателей, а процент “либерализаторов” намного (в два с половиной раза) ниже? Да именно потому, быть может, что собственный теневой опыт НЕпредпринимателей ограничен. Видимо, для них коррупция и теневой бизнес – это не разные, а одно и то же *единое* явление, к которому они не причастны и своего интереса в нем не имеют, а потому и вникать в суть дела не очень расположены. Пониманию обстоятельств и мотивов, не спешащему с осуждением, они предпочитают осуждение без понимания.

Полученные данные показывают, что отвлеченные моральные реакции на коррупцию и теневые отношения есть одно из проявлений *репрессивного сознания*, склонного воспринимать экономический порядок как порядок административно-полицейский¹. Не надо, думаем, доказывать, что природа такой

¹ Известно, что доправовое (морально-репрессивное) сознание имеет своим истоком не городской, а сельский жизненный уклад. Однако применительно к современной России эта истина подтверждается лишь частично. Мы сталкиваемся здесь с чрезвычайно интересным, разрушающим культурологические стереотипы явлением. С одной стороны, *репрессивные* установки распространены в современной российской деревне шире, чем в городе: скажем, сторонники диктаторских методов среди наших сельских респондентов составляют 27%, а среди жителей городов – 21%. В свою очередь, “либерализаторов” в деревне совсем немного – всего 14%, между тем как в городах их доля в полтора с лишним раза больше. Однако – с другой стороны – *моральная* составляющая этого типа сознания в постсоветской деревне, вопреки всем теоретическим и литературно-публицистическим почвенническим канонам, проявляется слабее, чем в городе. Так, за криминального кандидата на тех или иных уровнях готовы проголосовать 43% сельских жителей, а не готовы – 41%, между тем как среди горожан соответствующие показатели со-

репрессивной ментальности принципиально иная по сравнению с той, которую мы наблюдали среди предпринимателей. Вряд ли есть смысл распространяться и о том, что исторические корни такой ментальности уходят в советскую и более давнюю отечественную традицию. Но это и не просто “пережитки прошлого”. Похоже, мы сталкиваемся с установками, в которых причудливо переплетаются упования на традиционный для России репрессивный порядок и соответствующую ему верховную власть с надеждами на то, что такой порядок и такая власть способны не только обуздать коррумпированных чиновников, теневиков-бизнесменов и рэкетиров, но и обеспечить в России уровень жизни, соизмеримый с тем, что имеет место в западных странах.

Конечно, для описания и понимания этого социально-психологического феномена нужны специальные исследования.

ставляют 36 и 48%. Примерно такие же пропорции обнаруживаются и в ответах на вопрос о готовности лично соучаствовать в деятельности теневиков на рабочем месте. Понятно, что эти и другие цифровые данные нуждаются в детальном анализе, который, в свою очередь, требует проведения дополнительных эмпирических исследований. Однако уже сейчас у нас есть основания предположить, что в повышенной предрасположенности сельских жителей к теневому патернализму руководителей и собственной теневой деятельности проявляется позитивная реакция на ту теневую кооперацию – прошлую и нынешнюю – между коллективными и личными крестьянскими хозяйствами, о которой говорилось в первой главе книги. Но если так, то и за коммунистов деревня голосует охотнее, чем город, не потому, что отвержена идеологии и морали советской эпохи, а потому, что возможности теневой кооперации, имевшие место в брежневскую эпоху, кажутся деревенским жителям более благоприятными, чем нынешние. Не исключено, что и сельская повышенная репрессивность имеет своим истоком это недовольство сужением теневых возможностей старого типа при недостаточной компенсации возможностями новыми. Нельзя исключать и того, что репрессивные установки сельских жителей объясняются недовольством переменами, происшедшими в *городе* и негативно повлиявшими на деревенский жизненный уклад. Однако все это, повторим, всего лишь предположения, требующие проверки.

Мы же вынуждены ограничиться предположением о его возникновении и его связи с происшедшими в России за последние годы изменениями и их последствиями – как негативными (падение уровня жизни и ее неупорядоченность), так и позитивными (открытость страны миру и разблокирование информационных потоков). Эти новые проявления морально-репрессивного типа сознания хорошо иллюстрируются высказываниями одного из главных героев нашего повествования – работающего пенсионера В.А. “Надо проводить политику Андропова, – говорит он. – Людей заставить работать, чтобы они не болтались, не рэкетом занимались на базаре, а работали... Надо платить зарплату по труду”. Пока это все – в границах советского опыта (точнее – идеализированных представлений о его нереализованных возможностях) и советской лексики. Но тут же выясняется, что в сознании респондента есть и другая, совсем не советская точка отсчета: “Любой американец за день получает столько, сколько я за месяц”. И вот это-то и есть самое интересное: надежда на то, что при карательной экономической “политике Андропова” доходы среднего россиянина могут приблизиться к доходам среднего американца, которого одно упоминание о “политике Андропова”, имея он о ней хоть какое-то представление, повергло бы в оцепенение.

При таком способе мышления даже и не возникают вопросы о том, как порядок должен сочетаться со свободой и в какой мере репрессивные действия властей и законы, ограничивающие права граждан, должны соотноситься с объемом этих прав, достаточным, чтобы обеспечить хозяйственную эффективность. С сожалением приходится констатировать: люди, чьи представления не обременены подобными вопросами, составляют сегодня, судя по нашим данным, большинство населения. Никаких иллюзий на сей счет быть не должно.

Однако и отчаянию предаваться не следует. Формирование любого нового общественного большинства всегда начинается

ся с меньшинства. И такое меньшинство, пусть медленно и трудно, но складывается. О “низовом” предпринимательстве мы уже говорили. Но это все же пока очень тонкий и маловлиятельный слой российского общества. Поэтому так важно понять, что происходит в сознании гораздо более представительной группы – ПРЕДпредпринимателей. Как мы помним, эта группа чрезвычайно перспективна, поскольку составляют ее в основном люди молодые и достаточно образованные.

Конечно, инерция репрессивного мышления сказывается и на их представлениях о способах борьбы с теневыми явлениями. И все же отвлеченные моральные оценки им вроде бы чужды, они готовы их отбросить и погрузиться, появившись такая возможность, в теневую среду, а многие уже давно погрузились и чувствуют в ней себя более чем комфортно. Но, как мы видели, забыть об отвлеченно-моральных критериях они готовы лишь тогда, когда дело касается перспективы их собственной теневой деятельности или косвенного соучастия в деятельности других – с пользой для себя. В тех же случаях, когда речь идет только об этих *других*, устоять перед соблазнами отвлеченного морализаторства значительная часть наших кандидатов в бизнесмены не в состоянии.

Основываясь на взятых нами интервью, мы, напомним, предположили, что морально-репрессивные ориентации свойственны прежде всего тем представителям данной группы, которые работают в бюджетной сфере. Эта версия требует, разумеется, проверки в ходе дальнейших исследований. Но если она не лишена оснований, то тут-то, возможно, и надо искать объяснение второму из выявленных нами парадоксов. Речь идет о тех потенциальных предпринимателях, которые, как правило, глубоко в теневую среду еще не погрузились – многие из них об этом только мечтают. И поскольку административное наступление на теневую экономику, не говоря уже о коррупции, их лично затронуть не может, они склонны его поддерживать. В таком слу-

чае понятно, почему ПРЕДпредприниматели выше, чем предприниматели, оценивают важность проблемы борьбы с коррупцией и теневой экономикой, сближаясь в данном отношении с непредпринимательским большинством.

И все же это не больше, чем предположение, относительно оправданности которого у нас самих остаются сомнения. Хотя бы потому, что среди наших собеседников, принадлежащих к ПРЕДпредпринимателям, не обнаружилось таких, кто не понимал бы, что исключительно полицейскими методами проблема не решается, что свобода в экономике и охраняющие ее законы – более надежный способ обеспечения порядка, чем репрессии. Так что речь, наверное, как и в случае с предпринимателями, надо вести не о соотношении “чистых” сторонников либерализации и “чистых” приверженцев законодательных и полицейских ужесточений, а о численности людей, которые те или иные методы считают сегодня приоритетными, что вовсе не исключает того, что неприоритетные тоже признаются важными и необходимыми. И только в этом смысле мы решились бы утверждать, что репрессивные настроения среди потенциальных предпринимателей выражены отчетливее, чем среди предпринимателей состоявшихся.

Не оставим без внимания и то, что почти каждый третий в рядах ПРЕДпредпринимателей (это в полтора раза больше, чем в среднем по населению и в два раза больше, чем в группе НЕпредпринимателей) является “либерализатором”. Возможно, это как раз те люди, которые, в отличие от остальных, уже успели воплотить свою мечту о теневой деятельности в реальность и примерить себя к будущей роли самостоятельных бизнесменов. Если так, то отважмся на парадоксальный вывод: чтобы избавиться от морализаторства и сопутствующего ему репрессивного синдрома и перейти от экономических инстинктов к экономическому мышлению, надо самому испытать выгоды и риски работы в теневой среде. Вывод, разумеется, гипотети-

ческий, но мысль, которая к нему подводит, очевидна: справиться с коррупцией и теневым бизнесом тем легче, чем больше люди, вовлеченные в нелегальную экономическую деятельность, понимают, что это рано или поздно обернется невыгодой для них самих.

Народная любовь к чекистам

Репрессивное сознание, доминирующее сегодня в России, всегда и неизбежно попадает в ловушку, из которой непросто выбраться. С одной стороны, коррупция и все, что с ней так или иначе связано, – это болезнь государственной власти и ее институтов. Но вместе с тем репрессивное сознание уповает именно на власть. Поэтому оно должно, в конечном счете, делать ставку или на диктатуру вождя, умеряющего аппетиты чиновников и теневиков, или на какую-то властную структуру, которая кажется наименее коррумпированной и наиболее подходящей для ведения антикоррупционной войны. Да, но ведь и эта структура должна направляться и управляться чьей-то могучей и решительной рукой!

Мы могли уже убедиться в том, что в постсоветской России, успевшей почувствовать вкус свободы, идея диктатуры не слишком популярна. Теперь попробуем выяснить, какие из существующих в стране властных структур выглядят в глазах людей наиболее подходящими для решения интересующей нас проблемы. Нам предстоит увидеть, где именно люди ищут силы, способные противостоять коррупции и теневой экономике, – в институтах власти или в обществе, в его интеллектуальных, нравственных и других ресурсах.

Таблица 13

Как Вы думаете, на какие силы должны, в первую очередь, опираться политики, придя к власти, чтобы справиться с теневым бизнесом, коррупцией, организованной преступностью?

(респондент мог выбрать не более трех ответов)

Варианты ответов	Население в целом	Предприниматели	ПРЕДприниматели	НЕпредприниматели
На органы безопасности и другие спецслужбы	38	33	37	38
На милицию	30	10	27	31
На простых тружеников	25	24	22	26
На армию	21	12	20	22
На предпринимателей	9	29	14	7
На интеллектуальную элиту	8	6	7	8
На священнослужителей	4	3	4	5
Затрудняюсь ответить	24	31	20	24

Итак, современные россияне чаще всего склоняются к тому, чтобы миссию борьбы с коррупционерами и теневиками возложить на силовые структуры, среди которых преимущество отдается спецслужбам. Что касается последних, то тут все более или менее понятно. Мы уже отмечали, что в анкете у нас был и вопрос о том, какие учреждения и ведомства выглядят в глазах респондентов наиболее коррумпированными. Работники спецслужб и органов безопасности называются среди таковых крайне редко, а потому и надежды, связанные с этими структурами, выглядят естественными.

Люди, разделяющие такие надежды, довольно часто встречаются и среди наших собеседников, причем во всех трех интересующих нас группах. Предприниматель Е. (та самая, которая выступает за диктатуру) считает, что спецслужбы могли бы успешнее, чем кто бы то ни было, бороться с коррупцией “в силу своих полномочий”. Учитель средней школы А.А., подумывающий о торговом бизнесе (он тоже нам хорошо известен), надеется на ФСБ, потому что там “больше профессионалов, там отбор, а в милицию берут всех подряд”. А еще потому, что “и по моральным качествам они выше, чем сотрудники милиции”. В том же духе, хотя и не столь уверенно, высказывается и филолог А.В., о занятиях бизнесом не помышляющая: “Рассчитывать сейчас можно только на ФСБ. Может быть, там кто-нибудь еще остался. Хотя не знаю, сколько там осталось профессионалов и убежденных людей”.

Мы не говорим сейчас о том, насколько сложившийся в массовом сознании образ честного, высокопрофессионального и ответственного чекиста соответствует реальности, как не собираемся и развенчивать его (для этого у нас недостаточно информации). Мы говорим лишь о том, что такой образ существует.

А вот упования на милицию выглядят довольно странно; ведь именно она, согласно нашим данным, воспринимается – и населением в целом, и каждой из групп – как самая коррумпированная структура. Определенную последовательность в данном отношении демонстрируют разве что предприниматели; наверное, они, как никто, ощущают пристальный (и не всегда бескорыстный) интерес к себе со стороны милицейских работников. Надо полагать, что у представителей других групп контакты с милиционерами не столь интенсивны, а потому и доверие к ним не подорвано в той степени, как в предпринимательской среде. Ничего более определенного и конкретного на сей счет мы сказать не можем, ибо среди наших многочисленных собесед-

ников не нашлось ни одного, кто назвал бы милицию (в ее нынешнем виде) в числе структур, способных стать опорой в борьбе с коррупцией и теневой экономикой.

Не очень понятно и то, почему так много людей возлагают надежды на армию. Правда, работники военного ведомства в числе самых коррумпированных называются нашими респондентами еще реже, чем работники спецслужб. Но вооруженные силы, как известно, не предназначены для того, чтобы вести наступление на коррупционеров и теневиков. Среди людей, с которыми мы общались, обнаружился только один (точнее – одна), кто попытался антикоррупционную роль армии обосновать. Она полагает, что обуздание экономических правонарушений невозможно сегодня без введения в стране чрезвычайного положения. “Какие силы можно найти в обществе для борьбы с коррупцией? Я, честно говоря, пока не вижу таких сил. Есть только прогрессивная часть армии. Наверное, поэтому и необходимо чрезвычайное положение” (М.В., преподаватель вузовской кафедры романо-германских языков). Есть ли другие объяснения такой позиции и мыслимы ли они, судить не беремся. Возможно, мы сталкиваемся тут с инерцией восприятия армии как символа не только обороноспособности страны, но и гражданского порядка, которое культивировалось в советскую эпоху. Однако и в данном случае наши предприниматели, имеющие дело не с телевизионными образами коррупционеров, а с коррупционерами реальными, выбиваются из общего ряда; процент тех, кто рассчитывает бороться со взятками и поборами с помощью танков и самолетов, в их рядах почти в два раза ниже, чем в других группах и в среднем по населению.

Но, как бы то ни было, ясно одно: репрессивная тенденция в массовом сознании сегодня доминирует. Наши сограждане явно склоняются к мысли, что коррупция и теневой бизнес могут быть подавлены только силой – полицейской или даже военной. В самом же обществе они не видят ни влиятельных групп

экономических интересов, ни интеллектуальных и нравственных ресурсов, на которые власть могла бы опереться и которые, в свою очередь, подталкивали бы ее к серьезным антикоррупционным действиям. Люди, как правило, не связывают свои надежды со служителями разума (интеллектуалами) и совести (священниками) – то ли потому, что не верят в отзывчивость общества на голоса разума и совести, то ли потому, что не доверяют выступающим в наши дни от их имени. Наши данные лишний раз подтверждают, что сегодня в стране нет общепризнанных нравственных авторитетов, чье слово вызывало бы резонанс в обществе и заставляло бы власти корректировать свою политику. Поэтому, быть может, и запрос на них столь невелик: судя по взятым нами интервью, даже те немногие, кто говорит о важной миссии интеллектуалов в решении интересующих нас проблем, имеют в виду их роль исключительно как *специалистов*, разработчиков законов и проектировщиков программ, а не как лидеров общественного мнения, творцов и проводников культурных смыслов и общезначимых ценностей. Что же до влиятельных групп экономических интересов, то даже предприниматели не очень-то уверены в том, что их формирующийся класс мог бы стать субъектом борьбы с экономическими злоупотреблениями и ее социальной опорой.

Но если таких субъектов – влиятельных и заинтересованных в декриминализации государства и бизнеса – наши сограждане в обществе не обнаруживают, то, быть может, они возлагают свои надежды на нерасчлененное “низовое” народное большинство, или, как говорили в советские времена, на “простых тружеников”? Ведь это так привычно для нас: уповать на чудовласть, которая во имя народа и при его “единодушной поддержке” карает и своих зарвавшихся служителей, и постоянно ищущих, но никогда не находящих себе места между властью и народом представителей частного капитала. Но нет: для подобных выводов полученные нами данные тоже не дают серь-

езных оснований. В антикоррупционный и антитеневой потенциал “простых тружеников” верят сравнительно немногие: во всех группах их доля составляет около четверти опрошенных. Скорее всего, мы имеем дело со слабеющей инерцией прежних представлений и социальных инстинктов, а не с осознанной реакцией на современные явления.

Взятые нами интервью это предположение убедительно подтверждают (не высказались о “простых тружениках” только предприниматели). Обратите внимание на союз “но”, разделяющий все приводимые высказывания на две части. “Объективно в борьбе с коррупцией заинтересованы в первую очередь работники с бюджетных предприятий. *Но* они на это ни фига не пригодны” (П., студент экономического вуза, одновременно работающий в коммерческой фирме). “Опереться в борьбе с коррупционерами можно, единственно, только на пролетариат. *Но* пролетариат – это масса, которой легко управлять, имея СМИ под рукой” (И.М., технический эксперт в милиции). “Пролетариат, работники – они в первую очередь заинтересованы в том, чтобы все платили налоги. *Но* работник – он тоже ворует все, что может утащить” (Е.В., филолог, работающая экономистом в банке). “Коррупционеры богаты, поэтому бороться надо, опираясь на простой народ... Рабочие, которые честно трудятся, вроде заинтересованы в наведении порядка, *но* ведь им нужен вожак, кто-то должен ими руководить” (Т.П., заместитель коменданта общежития).

К последнему высказыванию можно добавить: нет не только популярного пролетарского лидера, но нет и сколько-нибудь массовой потребности в нем: свято место, как известно, долго не пустует. Однако без веры в народ и при отсутствии запроса на сакрального народного вождя лишается почвы и репрессивное сознание: оно неизбежно утрачивает оптимизм, становится колеблющимся и неуверенным. И похоже, что сегодня оно именно таково: даже карательные возможности чекистов, имеющих самый

высокий кредит доверия, кажутся несомненными лишь меньшинству населения; в глазах же большинства они, судя по всему, выглядят сомнительными. Конечно, многие полагают, что спецслужбы столь же коррумпированы, как и другие институты: по нашим данным, доля тех, кто *все* органы и ведомства власти (центральной и местной) считает *одинаково* подверженными коррупции и вовлеченными в теневой бизнес, во всех группах колеблется около отметки 40%. Это настроение выразил молодой менеджер коммерческой фирмы Ю.Н.: “ФСБ – государство в государстве, – говорит он. – Сотрудники этой службы имеют огромные возможности для ввоза в страну любого товара для коммерческих операций. Эта структура имеет большие возможности влиять на МВД и чиновников. Поэтому опираться на них опасно, да и бесполезно”.

И все же дело, наверное, не только в недоверии к тем или иным институтам власти. Вполне возможно, массовое сознание интуитивно улавливает особенность переживаемой странной ситуации.

Суть ее в том, что времена “монолитно единого” народа ушли в прошлое, а гражданского общества, консолидирующего вокруг общих ценностей народ, уже расщепленный по интересам, в России еще нет. Поэтому действия власти и ее силовых структур, даже направленные на благое дело, могут натолкнуться на равнодушие атомизированного населения. Безразличие, с которым россияне воспринимали недавнюю тотальную войну компроматов, – лишнее тому подтверждение.

Репрессивное сознание, будучи доминирующим в современной России, лишено энергии оптимизма; оно скорее инерционно-остаточное, чем устремленное вперед. Возможно, именно поэтому каждый четвертый наш соотечественник вообще не смог найти ни в обществе, ни в силовых ведомствах какую бы то ни было силу, способную противостоять коррупции, – и попросту уклонился от ответа. Понятно и то, почему среди пред-

принимателей доля таких людей еще больше – почти треть: ведь они лучше других понимают, что одними репрессиями проблему не решишь, ибо это проблема не столько административная, сколько экономико-правовая.

Этот пессимизм проявляется и в высказываниях уже упоминавшихся наших собеседников, представляющих мелкий российский бизнес. “Создается впечатление, что сил бороться с коррупцией в обществе нет” (хозяйка ресторана Т.Е.). “Мне начинает казаться, что бороться с коррупцией – абсолютно бесполезное занятие. Джинн выпущен из бутылки, и обратно его уже не загнать” (предпринимательница Ж.В.). Такие настроения встречаются и у представителей других групп. Это значит, что паутина теневых связей и зависимостей, опутавшая страну, делает трудноразличимыми происходящие в ней процессы и намечающиеся сдвиги в сознании, мешает рассмотреть в самом неприятии сложившейся практики симптомы ее самоисчерпания. Ведь если верны наши предположения о начавшемся вызревании в предпринимательской среде ценностей правового порядка, то и субъект такого порядка в обществе формируется тоже. А раз так, то рядом с пессимистами должны появляться и оптимисты. И они, похоже, появляются.

Да, даже среди самих предпринимателей – и мы об этом говорили – пока не очень много (меньше трети) людей, которые идентифицируют себя и свой класс с субъектом правового сознания и правового порядка. Но они все же есть, а самое главное – с предпринимателями связывают свои надежды на установление такого порядка и представители других групп – 14% ПРЕДпредпринимателей и 7% НЕпредпринимателей. Для тех, кто скажет, что это очень мало, можем повторить: формирование нового большинства начинается с меньшинства, и иначе никогда не бывает. Сегодня важно не столько количество, сколько то, что процесс начался: информация о наметившихся в бизнесе и отмеченных нами выше тенденциях просачивается по-

степенно и в другие слои населения, перестает быть узкогрупповым достоянием. Эти настроения нашли свое отражение и в высказываниях интервьюируемых, представляющих все три интересующие нас группы населения.

“При нормальной политике государство всегда сможет опереться на крупных предпринимателей, которые уже *заработали себе на жизнь и могут себе позволить играть по правилам*” (Г., совладелец финансового холдинга).

“С теневой экономикой надо бороться таким образом, чтобы предпринимателей постоянно подводить к тому, чтобы они переходили в сферу легального бизнеса. Они и сами в этом заинтересованы, потому что *у тех, кто связан с теневой экономикой, нервы давно не в порядке*” (К.А., представитель торгового дома, намеревающийся открыть собственное дело).

“Опору в обществе надо искать в представителях среднего и крупного бизнеса, которые *устали от коррупции и понимают, что повысить доходность бизнеса можно за счет снижения уровня коррупции*” (М.Л., начальник аналитического отдела в банке, бизнесом заниматься не собирается).

Выше мы пытались показать, что не только в крупном и среднем, но и в мелком и даже мельчайшем бизнесе многие хотели бы выйти из тени, ибо и у них, судя по нашим данным, “нервы давно не в порядке”. Правовые ценности, продуцируемые экономическими интересами, – это и есть главное основание для социального оптимизма. Оно пока крайне узкое, но оно существует и становится видимым представителям самых разных общественных групп. Однако руководствоваться этими ценностями предприниматели действительно не могут – по крайней мере не могли во время нашего опроса, когда о новых налоговых ставках не было еще и речи. При тех обстоятельствах, в которых им приходится действовать, их оптимизм может быть разве что стратегическим, в повседневной экономической жизни ему опереться не на что, и пока это так, он

обречен быть колеблющимся и неуверенным. В неправовой среде упреждающее правосознание или, что то же самое, правовой идеал не имеет никаких шансов найти точки соприкосновения с реальностью.

Человеку, однако, свойственно приспосабливаться к любому положению вещей. И если он даже не видит способов решения *общих* проблем, то способы решения проблем *личных* он все равно ищет, хотя и не всегда находит. Если власть не выполняет свои функции и нет гражданского общества, способного заставить ее эти функции выполнять, у человека неизбежно возникает установка на отношения неформальные, параллельные официальным, теневые, – именно так он компенсирует отсутствие соответствующих легальных (государственных и общественных) возможностей. При этом в теневой сфере неизбежно возникают различного рода сообщества – не только производственные корпорации, о которых уже говорилось, но и более широкие и разветвленные сети неформальных (а то и просто криминальных) общностей. И наш опрос это тоже подтверждает.

Теневое государство и квазигражданское общество

В предыдущих главах была проанализирована многообразная информация, касающаяся купли-продажи административных решений, деятельности на теневых рынках различных органов власти. Как же воспринимается такая деятельность представителями интересующих нас групп российского общества? И как выглядит их восприятие в количественных показателях? Чтобы узнать это, мы решили выяснить, какими видятся людям способы отмены решений, принятых по отношению к ним официальными лицами и кажушихся им заведомо несправедливыми. Рассчитывают ли они на легальные каналы или отдают предпочтение неформально-теповым способам?

Таблица 14

Если органы государственной власти или местного самоуправления приняли по какому-то вопросу несправедливое для Вас решение, как, на Ваш взгляд, можно надежнее всего восстановить справедливость и отменить такое решение?

Варианты ответов	Население в целом	Предприниматели	ПРЕДпредприниматели	НЕпредприниматели
Обжаловать его в вышестоящих инстанциях	16	20	11	16
Обратиться в российский суд	19	5	16	22
Обратиться в международный суд	4	2	5	3
Дать взятку	5	1	9	4
Обратиться за помощью к влиятельным друзьям и родственникам	14	20	22	12
Обратиться за помощью к криминальным авторитетам	6	10	11	4
Не вижу никаких надежных способов	25	29	18	26
Затрудняюсь ответить	13	14	9	13

В этой цифровой картине много выразительных деталей. В основном они касаются предпринимателей и интересны уже потому, что представители именно этой группы, как мы помним, несопоставимо чаще других сталкиваются с коррумпированностью власти. “Низовые” бизнесмены меньше, чем кто

бы то ни было, верят, что несправедливое решение можно отменить с помощью взятки, – у них, очевидно, больше опыта, и они понимают, что взятку дают до того, как решение принято, а не после. Предприниматели демонстрируют самое низкое доверие к российскому суду – наверное, и здесь сказывается более богатый опыт. Кстати, среди институтов власти суд они считают одним из самых коррумпированных (вторым после милиции). Но самое, быть может, интересное заключается в том, что именно предприниматели чувствуют себя наиболее незащищенными и беспомощными перед произволом властей, – еще одно косвенное доказательство оправданности нашей гипотезы, согласно которой ущемляемые интересы отечественного “низового” бизнеса делают его наиболее благоприятной средой для формирования правовых ценностей.

Есть в этой картине и другие заслуживающие внимания детали, останавливаться на которых мы не будем, дабы не уходить слишком далеко от главного сюжета. Мы – повторим – пытались выяснить, какими способами люди предпочитают разрешать конфликты с властью – легальными или нелегально-теневыми. Как можно увидеть, на последние ориентируется каждый четвертый гражданин России. Но это еще не все. Дело в том, что предприниматели и ПРЕДпредприниматели в данном отношении заметно отличаются и от НЕпредпринимателей, и от населения в целом: в этих двух группах численность тех, кто отдает предпочтение неформальным каналам, даже больше, чем численность тех, у кого сохраняется установка противоположная! И речь идет, как правило, не об индивидуальных контактах с представителями власти, а о воздействии на них через родственно-дружеские сети влияния либо через сети криминальные.

Это не значит, что официальные каналы представителями этих групп вообще не принимаются в расчет. Более того, именно среди предпринимателей мы обнаруживаем наивысший процент людей, заявивших о том, что несправедливое решение

властей они попытаются обжаловать у вышестоящего начальства. Но они, судя по рассказам интервьюируемых, чаще всего имеют в виду лишь *первый шаг*, в успешность которого не очень верят и за которым, скорее всего, должен следовать второй. “Как бы я стал бороться с несправедливостью чиновников?” – переспрашивает предприниматель-одиночка Е.М. (тот самый, напомним, который зарабатывает деньги, используя свою машину, и надеется стать водителем частного автобуса). И отвечает: “Сначала бы попытался обжаловать в вышестоящих инстанциях, а потом обратился к влиятельным друзьям, связанным с милицией и прокуратурой. У меня такие знакомые есть... Суд, я думаю, вряд ли что-то решит, потому что суд у нас «подкупный», предвзятый. Доверия к нему нет. Криминал в таком деле – на самый последний случай”. А предпринимательница Ж.В. – тоже нам хорошо известная – предпочитает начинать прямо с “криминала” – быть может, потому, что под “несправедливыми решениями” подразумевает прежде всего те, что касаются ее *незаконной* деятельности, которые официально оспаривать бессмысленно. “Если попаду в ситуацию, требующую вмешательства извне, обращусь к бандитам. Буду искать «крышу», которая на этом уровне разрешит мою проблему. У меня есть приятельница, тоже бизнесом занимается. Когда ее ОБЭП накрыл (они любят перед праздниками ходить дань собирать), она обратилась в своему знакомому бандиту, и он ее успокоил: не бойся, мы сегодня вечером с начальником ОБЭП в карты в бане играем, «перетрем» твой вопрос. И «перетерли»... У нас сейчас главное – это связи. Буквально верна поговорка: не имей сто рублей, а имей сто друзей. Эти друзья тебе сто рублей и сэкономят”.

Мы понимаем, что тут требуется комментарий. Но прежде чем предложить его, мы все же считаем целесообразным привести ответы еще на один вопрос, которые существенно дополняют картину и сделают нашу интерпретацию более обоснованной.

Таблица 15

Если, не дай Бог, возникнет угроза ВАШЕМУ ИМУЩЕСТВУ или УГРОЗА ФИЗИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ, ЧЬЮ ЗАЩИТУ ВЫ СОЧИЛИ БЫ НАИБОЛЕЕ НАДЕЖНОЙ?

Варианты ответов	Население в целом	Предприниматели	ПРЕДпредприниматели	НЕпредприниматели
Органов прокуратуры	9	6	12	9
Милиции	29	18	18	34
ФСБ	6	5	10	5
Друзей и близких	28	49	32	26
Криминальных авторитетов	10	14	18	8
Затрудняюсь ответить	17	9	10	19

В отличие от предыдущего вопроса, касавшегося защиты граждан от произвола властей, в этом речь идет о защите от угроз, идущих из общества. С читателем, не забывшим еще данные о народной любви к чекистам, сразу же поделимся своим предположением: в массе своей наши сограждане, очевидно, понимают, что службы безопасности призваны охранять государство, а не частные интересы, и потому особых надежд на эти службы не возлагают (за исключением тех случаев, упоминаемых нашими собеседниками, когда личные связи с работниками ФСБ используются для решения вопросов, входящих в компетенцию других органов власти). В целом же мы снова наблюдаем прежнюю закономерность: если в среднем по населению и в группе НЕпредпринимателей преобладает ориентация на официальные структуры (хотя и здесь она размывается), то большинство реальных и потенциальных предпринимателей отдают предпочтение неформальным связям и общностям.

Это различие между большинством и меньшинством объясняется не столько разницей в степени доверия к милиции

и другим органам, призванным обеспечивать безопасность граждан, сколько тем, что теневые возможности большинства крайне ограничены. Поэтому его представители нередко просто вынуждены ориентироваться на официальные структуры, отдавая себе полный отчет в их ненадежности. “Если возникнет угроза моей жизни, – говорит, например, научный сотрудник К.Д., – у меня не будет другого выхода, кроме как обратиться к правоохранительным органам, к той же милиции. Хотя большого доверия они не вызывают, сами погрязли во взятках”.

Что касается представителей экономически активного меньшинства, то сама их активность должна включать в себя сегодня и предприимчивость в установлении неформальных связей, которые компенсировали бы их незащищенность от разного рода угроз. Это, кстати, позволяет лучше понять, почему именно в группах меньшинства обнаруживается наиболее терпимое отношение к неуплате налогов: дело, очевидно, не только в разорительности их нынешних ставок, но и в том, что власть, оплачиваемая за счет налогоплательщиков, воспринимается ими как неспособная выполнять свои основные обязанности, обеспечивать безопасность населения. Дабы не перегружать текст цитатами, отметим лишь, что такая аргументация в пользу уклонения от налогов встречается и во взятых нами интервью, – при ознакомлении с ними ее можно легко обнаружить.

Приведенные цифровые данные еще больше укрепляют нас в мысли о наметившемся в российском обществе поколенческо-ментальном размежевании. Есть все основания предполагать, что в сознании наиболее деятельной и целеустремленной части россиян сформировалась установка на своего рода *квазигражданское общество*, своеобразие которого заключается в том, что оно *заменяет государство*, компенсирует его недееспособность. Она, конечно, блокирует трансформацию зарождающихся правовых ценностей в правовой общественный порядок, но – не больше, чем любое другое проявление современной коррупционно-теневой практики. Да, установка эта не локализуется в группах меньшинства, а распространяется вширь;

уже сегодня ее открыто декларирует свыше трети наших сограждан. И все же различия между большинством и меньшинством слишком выразительны, что и заставляет нас, как и в предыдущих случаях, фиксировать внимание именно на них.

Однако особенность такого квазигражданского общества не только в том, что оно замещает государство. В случаях – вернемся к ответам на предыдущий вопрос, – когда люди вынуждены все же вступать в контакты с властями, выясняется, что оно, заменяя государство, одновременно и проникает в него, взаимопереплетается с ним, образуя густые сети горизонтально-вертикальных неформальных связей – родственных, приятельских, а то и просто криминальных. Таким образом, правомерно говорить не только о квазигражданском обществе, берущем на себя функции власти, но и о сопутствующем ему и его дополняющем *теневом государстве*, обслуживающем неструктурированные (или структурированные нелегально) общности людей в обмен на соответствующие с их стороны услуги – немедленные или отложенные.

Выдержки из двух интервью, которые мы привели выше, свидетельствуют именно об этом, то есть о том, что теневое государство и квазигражданское общество представляют собой взаимопроникающие явления, своего рода двухуровневую нелегальную систему безопасности, обеспечивающую наиболее инициативным слоям населения защиту от угроз, исходящих как от власти, так и из общества. Эти явления, похоже, не расчленяются и в сознании наших собеседников, о чем можно судить, например, по интервью еще одного из наших старых знакомых – работающего студента В., намеревающегося через два года открыть собственное дело и сколачивающего, работая в “тени”, свой первоначальный капитал. “На данный момент, – говорит он, – у меня есть определенных круг знакомых, на которых я могу положиться в ситуации любого «наезда». Среди них есть и представители правоохранительных органов, но это только в крайнем случае, и выход у меня на них не прямой, а через знакомых. Без нужных знакомств сейчас в принципе невозможно

отстоять свои права ни перед правоохранительными органами, ни перед бандитами, ни перед чиновниками”. Иметь знакомых, имеющих знакомых в органах власти, – это и есть предельно лаконичное описание сросшегося с теневым государством квазигражданского общества.

Мы не знаем, насколько широк круг россиян, реально вовлеченных в такого рода теневые отношения и неформальные связи. Полученная нами количественная информация дает право говорить лишь об определенных умонастроениях и о том, насколько распространены они в современной России. Однако вряд ли так уж не прав был Василий Розанов, полагавший, что именно с настроений все начинается и от них, в конечном счете, все и зависит. Они – тоже реальность, причем настолько же вторичная, обусловленная происходящим в жизни, насколько и первичная, в значительной степени предопределяющая то, как эта жизнь протекает.

Исчерпана ли формула российской самобытности?

Раскрепостившие общество горбачевская перестройка и последовавшие за ней ельцинские реформы пробудили в людях инстинкт прорывного, как в русских сказках, обогащения. Вдруг возникло небывалое до того ощущение неограниченных возможностей: стоит лишь проникнуть туда, где большие деньги делаются легко и быстро. В результате Россия размежевалась на две страны. Между ними нет “железного занавеса”, они совместимы и взаимопроницаемы, они постоянно взаимодействуют и взаимоотталкиваются. Но по составу жителей и доминирующим тенденциям две эти страны существенно одна от другой отличаются, что наглядно выявилось в ходе нашего исследования.

Первая из них – Россия большинства – выросла из советского прошлого. Она связана с этим прошлым тысячами невидимых нитей, которые опутывают даже тех, кто возвращаться назад не хочет. Вторая – Россия меньшинства – возникла

из отрицания прошлого. Она молода, образованна, энергична, относительно обеспеченна, она ищет (или уже нашла) себя в новых видах деятельности, прежде всего в частном бизнесе, который в стране ее отцов и дедов из легальной жизни был исключен. И вот эта-то молодая Россия выступает сегодня, сама того, быть может, не подозревая, в роли главного наследника и продолжателя советского образа жизни эпохи его разложения. Отбросив его официальную (идеологическую и моральную) оболочку, она протянула из прошлого в настоящее (а возможно, и в будущее) его скрытую, теневую, *нелегально-коммерческую* суть, проявлению которой при переходе от социализма к капитализму была дана невиданная доселе свобода.

Картина, что и говорить, озадачивает. Россия вновь стоит перед проблемой, которая, как тень, преследует ее на протяжении столетий: опять, по Карамзину, “воруют, все воруют”. Перед этой проблемой капитулировали все российские политические режимы, в том числе и самые тиранические, обозначенные именами Ивана Грозного, Петра Великого и Иосифа Сталина. И если оглядываться, как на образец, на их опыт построения “великой России”, создания “сильного государства” и осуществления “диктатуры закона”, то в нем можно обнаружить все что угодно, но только не эпохально-необратимые сдвиги в решении этой фатально воспроизводящейся из века в век проблемы. В данном случае опыт прошлого может пригодиться нам лишь как опыт бесславных поражений, а не героических побед, и именно под этим углом зрения он и должен быть сегодня осмыслен.

Россия (в том числе и советская) издавна утверждала себя как могучая военная держава. На приобретение и поддержание этого статуса она расходовала огромные средства, создавая тем самым непосильные тяготы для населения. Платой за державное величие была бедность народного большинства – в этом своеобразии российской истории и, если угодно, одно из главных проявлений ее самобытности. Сюда и уходят корни

отечественной коррупции. Бедность большинства сопровождалась трудностями пополнения казны. Тощая казна создавала сложности с оплатой труда многочисленной армии управленцев, бывших несущей конструкцией власти. Их приходилось или посылать на “кормление”, или закрывать глаза на то, что малость своих официальных доходов они компенсируют, как могут, – нередко не ведая удержа. Российская державность и российская коррупция — две стороны единого исторического явления.

Советская власть попыталась, прибегнув к жесточайшему диктату и подчинив мирную жизнь нормам военного времени, сохранить и упрочить державность и при этом подавить коррупцию. Эффект получился обратный: подавление прав частной собственности и превращение всех граждан в государственных служащих создавало для коррупции и теневой экономики такую благоприятную среду, какой не было за всю прежнюю историю России. Время показало, что теневые экономические отношения оказались настолько жизнеспособны, что подавить их не смогли ни насилие, ни всеобщий страх. Репрессированные частные интересы проросли, в конце концов, и сквозь коммунистический асфальт, и их пришлось реабилитировать – ради самосохранения самой системы. Но это привело лишь к тому, что здание, возведенное на крови и идеологических догмах, стало быстро разваливаться. Коммунистический режим не мог с прежним успехом подавлять частные интересы, и они устремились в теневую сферу, причем на сей раз от “верхов” не отставали и “низы”, превратившиеся в массу своей из уstraшенных коллективизацией послушных крестьян в почувствовавших вкус свободы – пусть и относительной – горожан. Брежневский “развитой социализм” – это тоталитаризм, попытавшийся примирить свою доктрину с реабилитированными частными интересами. Результат известен: под якобы всеобщей идеологической оболочкой образовалась всеобщность реальная – коррупционно-теневая.

Это был не просто кризис коммунистической системы, приведший к ее распаду. Это было свидетельство окончательной

исчерпанности прежней модели великодержавия, воспроизводившейся в разных формах со времен Московской Руси. Формула “*державность – бедность – коррупция*”, которая никогда не декларировалась, но почти всегда использовалась, перестала работать. Михаил Горбачев, отчаянно искавший ей замену, в этом, как известно, не преуспел, в результате чего потерял свою должность, а вместе с ней и страну. Он и не мог преуспеть, потому что для этого ему нужно было найти эквивалент коммунистической *идеи*, придававшей державности сакральный смысл и позволявшей интерпретировать бедность как нечто преходящее, а коррупцию – как нечто нелегитимное и потому преходящее тоже.

Общественная и государственная реальность, фиксируемая формулой российской самобытности, могла сохраняться и видоизменяться только при наличии идеологической склейки, скреплявшей нестыкующиеся детали этой конструкции, замазывавшей зияющие между ними смысловые бреши. Крах коммунистического проекта позволил демистифицировать отечественную историю и соответствующий ей тип духовности – в том числе и романтизированную “загадочность русской души”. Он обнажил то, что скрывалось не только под коммунистическим, но и под предшествовавшими идеологическими проектами, такими, как “Москва – третий Рим” или “православие, самодержавие, народность”. Последовавший за этим распад страны обнаружил исчерпанность традиционных для России способов цементирования общественной системы: судорожные попытки сформулировать новую “национальную идею” по спущенному сверху заказу были заведомо обречены на беспомощность и бесплодность. Время таких идей, похоже, безвозвратно ушло, и России предстоит учиться жить в расколдованном мире рациональности, в котором национальные цели и методы их достижения не имеют никаких шансов обрести утраченный сакральный статус. Но научиться этому, имея за плечами многовековой опыт другой жизни, не так-то просто.

Посткоммунистическая Россия, уменьшившись в размерах, пробует заимствовать чужие формулы – те, которые прежде упрямо отторгала. Она юридически легализовала частную собственность, придала конституционный статус экономическим и политическим свободам, отказавшись от традиционных для страны способов легитимации власти, – теперь она формируется на всеобщих выборах. Результаты пока не впечатляют, скорее – наоборот: державная мощь поколеблена, бедность усугубилась, а коррупция и теневой бизнес расцвели цветом еще более пышным, чем при “развитом социализме”. Но самое тревожное заключается не в этом, а в тех общественных настроениях, которыми сопровождается нынешний кризис и которые выявились в ходе нашего исследования. И прежде всего – в настроениях наиболее молодой, энергичной и достаточно многочисленной части населения, воспринявшей дарованную свободу как свободу теневой деятельности. Мы имеем в виду и “низовых” предпринимателей, которые при нынешних условиях не помышляют, судя по всему, о выходе из теневой среды (хотя и начинают тяготиться ее нравами), и людей, которых мы условно назвали ПРЕДпредпринимателями и которые озабочены тем, чтобы в эту среду попасть, получив тем самым доступ к единственному на сегодня источнику первоначального накопления капитала.

Вместе с тем полученные нами данные дают основания полагать, что в российском обществе еще живы иллюзии насчет эффективности союза моральной и карательной силы. Но как бы ни был велик политический соблазн при строительстве правового порядка опереться на эти иллюзии, на этот *самообман доправового массового сознания*, – дело это явно бесперспективное. Тем более что в обществе нет для этого достаточных мобилизационных ресурсов. Как показало наше исследование, преобладающая его часть весьма сдержанно относится к авторитарным методам борьбы с коррупцией и теневым бизнесом. Сомнительно, чтобы при таком состоянии общественного сознания мог получить реальную поддержку сакральный вождь-

диктатор, без которого союз моральной и карательной силы невозможно представить. При этом также следует учесть, что большинство государственных институтов, призванных противостоять экономическим злоупотреблениям, как раз и выглядят в глазах общества самыми ненадежными: милицию, органы суда и прокуратуры, налоговые и таможенные службы представители всех групп называют в числе наиболее коррумпированных.

Судя по всему, морально-репрессивные установки, доминирующие сегодня в России, часто нацелены не столько против теневых отношений во всей их совокупности, сколько против злоупотреблений должностных лиц, то есть против коррупции в строгом смысле этого слова. И чем ближе люди к теневой среде (фактически или хотя бы только психологически), чем больше вовлечены в нее, тем отчетливее проявляет себя эта особенность современного массового сознания. Здесь-то, быть может, и проходит черта между предпринимательским меньшинством (реальным и потенциальным) и непредпринимательским большинством.

Конечно, отделить борьбу с коррупцией от борьбы с тeneвым бизнесом можно разве что в воображении. Однако при нынешних обстоятельствах в обнаруживающемся разграничении есть и свой смысл: оно показывает, что в группах меньшинства, выделяющихся не только своими тeneвыми пристрастиями, но и своим *либерализмом*, наметился хотя и не очень явный, но все же уловимый сдвиг от морально-репрессивных установок к экономико-правовым, причем, что особенно важно, заметнее всего он проявляется у предпринимателей. Да, они демонстрируют высокую, порой очень высокую готовность пользоваться нынешней неупорядоченной свободой, в том числе и свободой тeneвой деятельности. Но они же и меньше всех уповают на административно-полицейские меры, ограничивающие коррупционно-тeneвую свободу других, и больше всех озабочены тем, чтобы расширить пространство своей собственной *легальной* свободы.

Именно в рядах представителей российского “низового” бизнеса обнаруживается сегодня наиболее внятный запрос на изменение самого характера отношений между предпринимательским классом и государством. Значительная их часть готова, похоже, выйти из тени, если власть обеспечит приемлемые для них законодательные правила игры. И они же, как можно предположить, готовы платить – в разумных размерах – налоги на содержание государственного аппарата, если он будет гарантированно обеспечивать соблюдение этих правил и выполнять другие возложенные на него функции. Многие предприниматели (а в этом, кстати, от них почти не отличаются и бизнесмены потенциальные) даже сейчас с пониманием относятся к экономическим интересам чиновников и считают, что повышение окладов – в сочетании с жестким контролем – умерило бы коррупционные аппетиты последних. И это при том, что именно предприниматели, как показывают наши данные, имеют наибольшие основания для недовольства властями, ибо именно они меньше всего рассчитывают на официальную защиту своих интересов, ориентируясь главным образом на неформально-дружеские сети квазигражданского общества. Они, как никто, чувствуют себя выпавшими из государства, отщепленными от него, и у нас нет оснований утверждать, что чувство это комфортное. Скорее – наоборот.

Если наши предположения верны, то отсюда следует, что описанная в предыдущей главе ситуация выкупа конституционных прав представителей бизнеса устраивает все меньше, что они начинают этой ситуацией тяготиться и примиряются с ней лишь постольку, поскольку ничего ей не могут пока противопоставить. Да, при существующем положении вещей выкупать конституционные права выгоднее, чем защищать их в официальном порядке. Но само это положение, при котором нормы обычного права доминируют над формально-юридическими, многими нашими предпринимателями уже не воспринимается, похоже, как нормальное.

Иными словами, в настроениях “низового” предпринимательства просматривается важная тенденция, свидетельствующая о том, что здесь вызревает идея заключения своего рода *социального контракта между бизнесом и государством*. Идея эта для России новая, даже революционная. Ведь такой контракт может состояться лишь при условии, что государство сделает главную ставку именно на бизнес, освобожденный от опутывающей его паутины административной зависимости от чиновника. Если такое деловое соглашение состоится, то это будет окончательным преодолением многовековой отечественной традиции, будет признанием того, что сила государства может быть надежно обеспечена лишь тогда, когда оно опирается на *благосостояние народа*, которое, в свою очередь, недостижимо, пока энергия частных интересов предпринимательского класса искусственно гасится, а его расширение и конкуренция внутри него сдерживаются внешними обстоятельствами. И только в том случае, если это произойдет, формула российской самобытности (“державность – бедность – коррупция”) начнет уходить в прошлое.

Это не значит, что вместе с формулой обречен кануть в прошлое и державный статус страны. Это означает лишь то, что Россией исчерпаны ресурсы поддержания такого статуса *за счет* благосостояния, *вместо* благосостояния, как *альтернативы* благосостоянию. В условиях современного мира и при нынешнем состоянии российского общества его можно сохранить, а быть может, и упрочить только *на основе* благосостояния, увеличивающего платежеспособность населения и расширяющего базу налогообложения, что, в свою очередь, немислимо без формирования свободной от чиновного диктата конкурентной производительной среды. Но и корни коррупции иным способом подрубить невозможно. Об этом свидетельствует опыт других стран, и это хорошо понимают многие наши собеседники. Как заметил один из них, “среди нищеты на кого ни опирайся (в борьбе и коррупцией. – *Авт.*) – эффекта не будет”. И он в своих представлениях не одинок.

Разумеется, инерция жизни по старой формуле слишком сильна, и потому эффект даже самой эффективной и рациональной экономической политики станет общеочевидным не сразу. И даже не очень скоро. Но медленное движение вперед все же лучше, чем топтание на месте с бесконечными оглядками назад и поисками точек опоры там, где найти их уже нельзя¹.

Мы, возможно, не уделяли бы столько внимания немногочисленной и маловлиятельной группе “низовых” предпринимателей-одиночек, не выискивали бы в их умонастроениях симптомы формирующихся правовых ценностей, не будь импульсов и публичных сигналов, поступающих сегодня от представителей среднего и даже крупного отечественного бизнеса. Слово “ценности” – прежде всего имеются в виду осознанные установки на продуктивность, ответственность и правовой порядок – в их лексиконе становится едва ли не ключевым. Это значит, что теневой союз между бизнесом и чиновничеством устраивает предпринимательский класс все меньше, а потребность в прозрачности экономических связей ощущается в нем все острее.

Значение такого поворота трудно переоценить: ведь ценности правового порядка в условиях рыночной экономики, по-

¹ Это, кажется, начинают понимать и представители *русского национализма* – единственного, пожалуй, идеологического течения, которое может претендовать (по крайней мере, теоретически) на воспроизведение в обновленной форме старой державной мифологии. Во всяком случае наметившееся в их рядах размежевание весьма показательно. Среди них появились люди (прежде всего мы имеем в виду А. Севастьянова), признающие *исчерпанность* державно-имперской политической и идеологической отечественной традиции и открыто порывающие с ней. В противовес ей выдвигается идея русского *государства-нации* и русского *капитализма*, то есть капитализма с подчеркнуто этнической окраской. Мы не ставим перед собой задачу детального критического разбора этой концепции; она заслуживает отдельного разговора. Здесь же достаточно отметить, что ключевой вопрос о взаимоотношениях государства и бизнеса в данном случае даже не ставится, а это значит, что в проекте русского капитализма сохраняются содержательные предпосылки для эволюции в направлении отвергаемого традиционализма.

вторим еще раз, не могут утвердиться ни во властных структурах, ни в широких слоях населения до тех пор, пока они не укоренились в бизнесе. Если же в самом обществе нет субъекта правового сознания и правового порядка, то не может быть правовым и государство; оно может быть в таком случае либо репрессивно-полицейским, либо имитационно-правовым, что опять же есть лишь завуалированная разновидность государства полицейского. Вот почему так важно осознать, что процесс формирования такого субъекта в стране начался, и весь вопрос теперь в том, насколько быстро предпринимательский класс сумеет консолидироваться (в том числе и организационно, а быть может, и политически) на основе ценностей, выстраданных многими его группами. И если наша информация об умонастроениях “низовых” бизнесменов-одиночек добавит сторонникам такой консолидации уверенности в их силе и правоте, то мы будем считать свою задачу выполненной.

Движение в этом направлении, учитывая отечественные патронажно-клиентальные традиции, столетиями регулировавшие взаимоотношения власти и бизнеса, не будет и не может быть простым и бесконфликтным. Однако иного пути освобождения от теневых соблазнов, столь сильных в резервной армии российского бизнеса, равно как и от морально-репрессивного антитеневого синдрома, довлеющего над сознанием непредпринимательского большинства, мы не видим. Пока и политическая власть, и право распоряжаться собственностью будут находиться в одних руках, ничего измениться не может: и аппарат управления, и органы правопорядка, и судебная система останутся коррумпированными, сколько и как их ни реформируй. До тех пор любые антикоррупционные меры могут быть только имитационными, какими они были в России всегда. А раз так, то и массовое сознание будет реагировать на все это так, как свойственно сознанию доправовому, мечущемуся между морально-репрессивным идеализмом и теневым материализмом. Это и есть, видимо, главный вывод, который можно сделать на основании нашего исследования.

Приложение

Таблица 16

Если говорить о взятках, вымогательстве, незаконных поборах, уклонении от налогов, нелегальном производстве и т. п., то с работниками каких учреждений у Вас в наибольшей степени связано представление о таких проявлениях теневой экономики?

(респондент мог выбрать не более трех ответов)

Варианты ответов	Население в целом	Предприниматели	ПРЕДпредприниматели	НЕпредприниматели
Работники милиции	28	30	28	28
Владельцы крупных предприятий, банкиры	19	21	25	18
Работники суда и прокуратуры	19	23	26	16
Налоговые службы	17	20	18	16
Работники таможенных органов	14	18	14	13
Работники спецслужб, органов безопасности	7	3	11	6
Работники здравоохранения	6	3	5	7
Владельцы мелких и средних предприятий	6	6	10	5
Работники сферы образования	5	3	4	5
Работники пенсионных фондов	3	0	1	5
Генералитет, работники военного ведомства	3	5	4	2
Другие	1	4	1	1
Все в равной степени	40	40	37	43
Затрудняюсь ответить	10	11	7	11